

Анатолий Васильевич Митяев

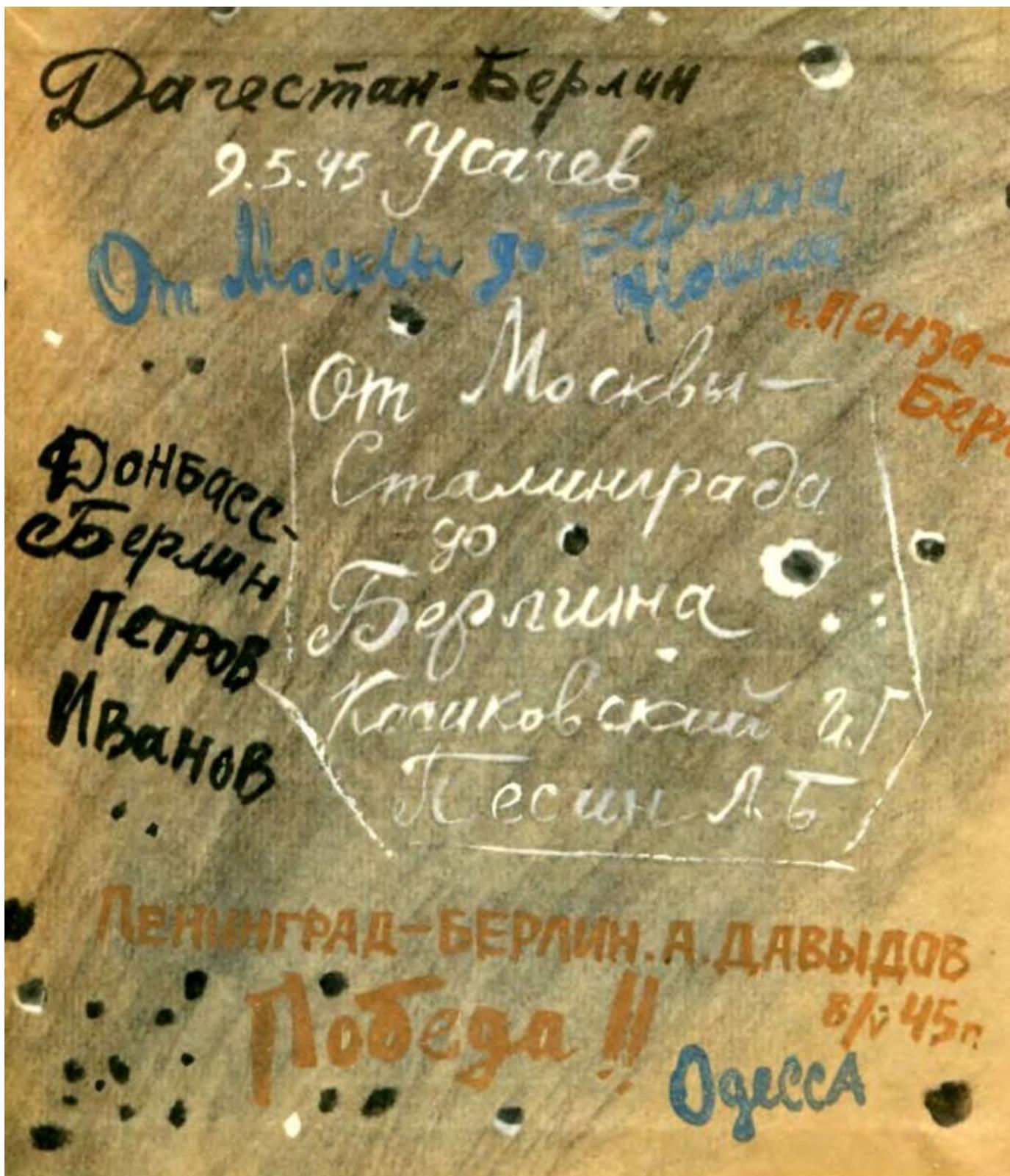
Подвиг солдата

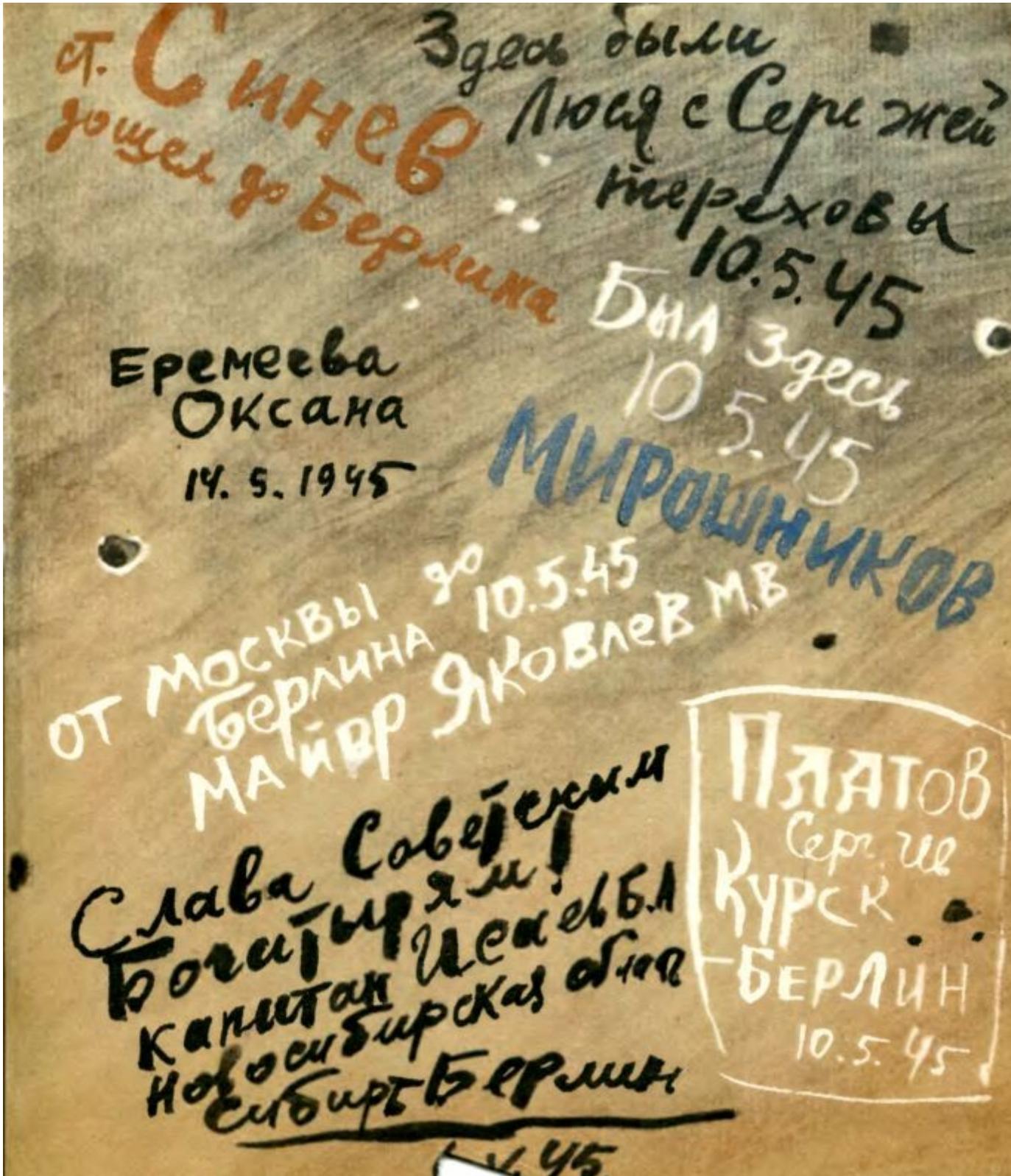
АНАТОЛИЙ МИТЯЕВ
ПОДВИГ СОЛДАТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ • 1985

Анатолий Митяев
ПОДВИГ СОЛДАТА
Рассказы

Издательство
"МАЛЫШ"

А Н А Т О Л И Й М И Т Я Е В

ПОДВИГ
СОЛДАТА

Рисунки
В. Гальдяева

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1985

Дорогой друг!

Я расскажу тебе о войне с фашистами. Расскажу совсем немного – шесть случаев из жизни солдат на фронте. Случаи эти – только капли в бескрайнем море солдатских подвигов, ведь с фашистами воевали миллионы советских людей, и каждый вложил свой ратный труд в победу.

Великая Отечественная война началась летом 1941 года, кончилась весной 1945 года. За это время скворцы четыре раза улетали от нас в тёплые края и четыре раза возвращались к родным скворечням. Ребятишки, поступившие в первый класс в первом военном году, к концу войны заканчивали начальную школу. И всё долгое-долгое это время не утихали кровопролитные бои, жестокие сражения. Враг был сильный. Ему удалось далеко пройти на

нашу землю. Нужна была величайшая храбрость, нужно было воинское умение и нужен был самоотверженный труд, чтобы выбросить захватчиков из пределов Родины и окончательно добить их на их же земле.

Мы все – и взрослые, и дети – в долгу перед теми, кто не вернулся с войны, кто отдал жизнь за то, чтобы жила Родина. Чем можно оплатить этот долг? На такой вопрос есть лишь один ответ – любовью к Родине, готовностью защищать её от любого врага, постоянным трудом на пользу Родине. Ты, мой маленький друг, знай это и расти честным, трудолюбивым, смелым человеком, достойным своей страны.

Автор

Треугольное письмо

Дивизион тяжёлых гвардейских миномётов до нового приказа остановился в дубовом лесочке. Дубрава была молодая, деревца негустые, скопление машин могли заметить вражеские бомбардировщики. Поэтому миномётчики сразу принялись копать укрытия для автомобилей и маскировать их ветками. Кончили работу поздно вечером. Было ещё видно, и солдат Борис Михайлов взялся за письмо. Он старался писать почаще, знал: мама тревожится о нём каждый день и каждый час.

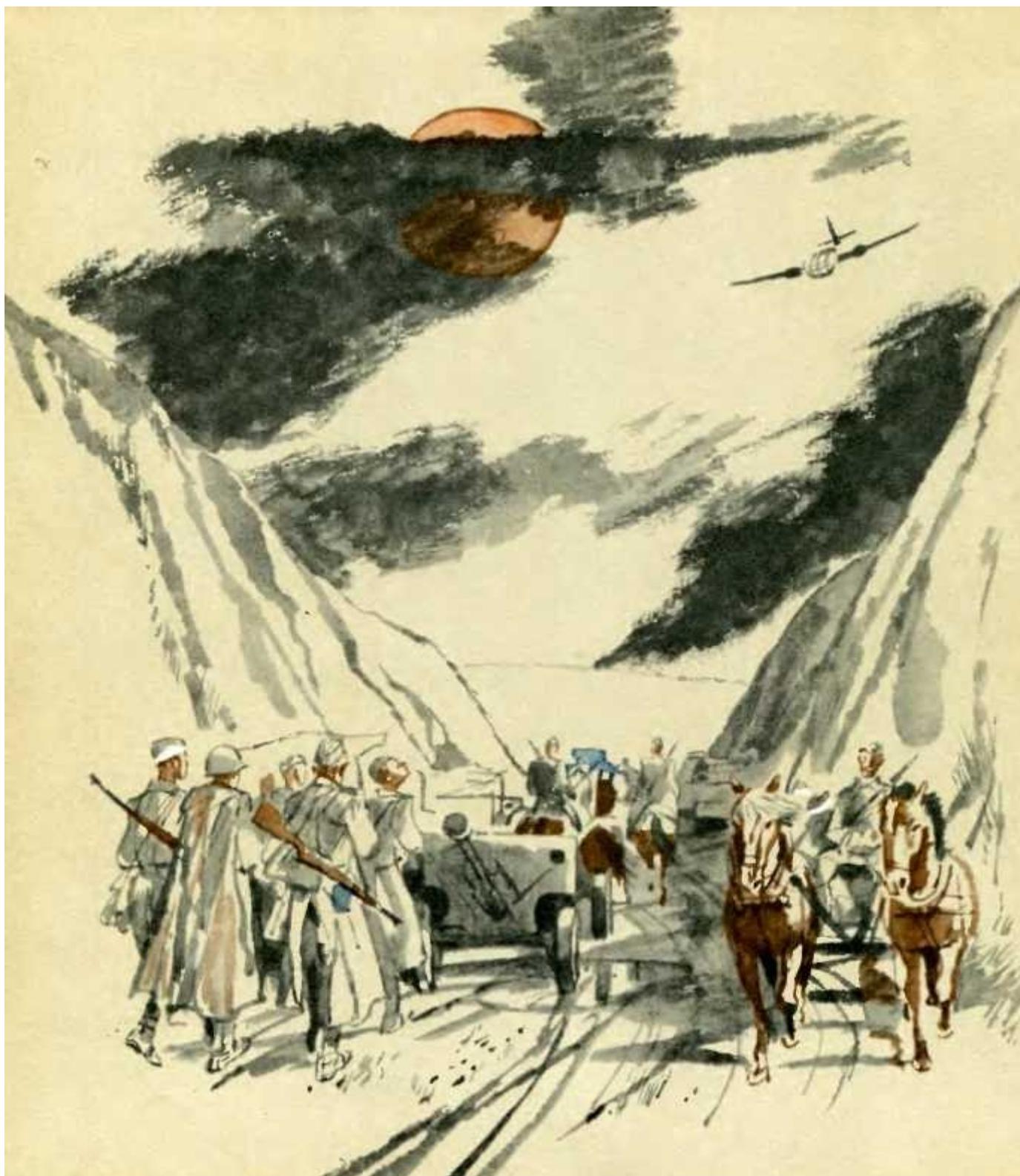
«Милая мамочка! – писал Борис. – Я жив-здоров. Кормят сытно. Погода тёплая. Стоим в лесу. Обо мне не беспокойся. Мы сейчас отдыхаем. Крепко обнимаю и крепко-крепко целую. Твой Боря».

Конверта у Бориса не было. В войну многого не хватало. Хлеба, например, соли. И такой простой вещи, как конверты. Без них-то научились обходиться... Борис согнул бумажный лист по верхнему углу – получился косой парус, парус согнул – получился домик с крышей; нижние углы домика тоже согнул и заправил под крышу – получился треугольник, письмо и конверт вместе...

Идти к писарю, который отправлял почту, было поздно. Борис положил письмо в карман гимнастёрки – до утра, лёг на шинели под кустиком, укутался с головой, чтобы не кусали комары, и сон сразу пришёл к нему.

Был сон короткий. Едва забрезжил рассвет, дивизион подняли по тревоге.

Колонна машин с пусковыми станками и эрэсами – реактивными снарядами, покинув дубраву, двигалась чистым полем. Позади колонны всходило солнце. Большое, красное. Пыль закрыла его. Но солнце поднялось выше пыльного облака, будто хотело посмотреть, куда едут гвардейские миномётчики.

Впереди была линия фронта. Оттуда, из-за этой линии, прилетел снаряд. Борис в кабине грузовика не слышал его свиста, поэтому не испугался, а удивился, когда в поле взметнулась чёрная земля. Автомобили прибавили скорость. То в поле, то на дороге взрывались снаряды. На счастье, дорога спустилась в овраг. Вражеские наблюдатели теперь не видели автомобилей, и обстрел прекратился.

Овраг был широкий, глубокий, с крутыми стенами. По нему, как по безопасному туннелю, шли к передовой солдаты, ехали автомобили – с пушками, со снарядами, с кухнями и хлебом. В обратную сторону тягач тащил танк со сбитой башней. Лошадь, запряжённая в двуколку, везла двух раненых, они лежали неподвижно, их головы были укутаны бинтами.

«Вот если меня так ранят или убьют?.. – подумал Борис. – Когда мама узнает, что меня убили, будет долго плакать».

Низко над оврагом, с рёвом мотора и стуком пулемётов, пронёсся «мессершмитт» – немецкий истребитель. По нему дали очередь наши пулемёты, замаскированные на откосе. Тут же появился истребитель с красными звёздами. Погнался за врагом.

Так и ехали миномётчики. Без происшествий. Артиллерийский обстрел, обстрел с самолёта – обычное дело на войне.

Остановились в низине, поросшей кустами.

От низины начинался подъём на широкий бугор. Скат бугра был жёлтым пшеничным полем. С вершины слышалась частая стрельба, гулкие взрывы. Там шёл бой.

Миномётчики дружно сняли с грузовиков пусковые станки. Поставили на землю. Сгрузили эрэсы. Потасили их, тяжеленные, к станкам. Когда уехал последний грузовик, гвардейские миномёты были готовы к залпу.

Бой на бугре то затихал, судя по стрельбе, то снова разгорался. А что там было и как? Солнце видело, что и как. Оно поднялось совсем высоко.

Было жарко. Ни дуновения ветерка. Но вдруг пшеница у дальнего края поля заколыхалась. Будто там пронёсся ветер. Он дул, качал пшеницу сильнее и сильнее. Вглядевшись, Борис увидел нестройные линии пехотинцев. Это они, а не ветер, качали пшеницу, спускаясь с бугра всё ниже и ниже. «Отступают!» – догадался Борис и испугался своей догадки.

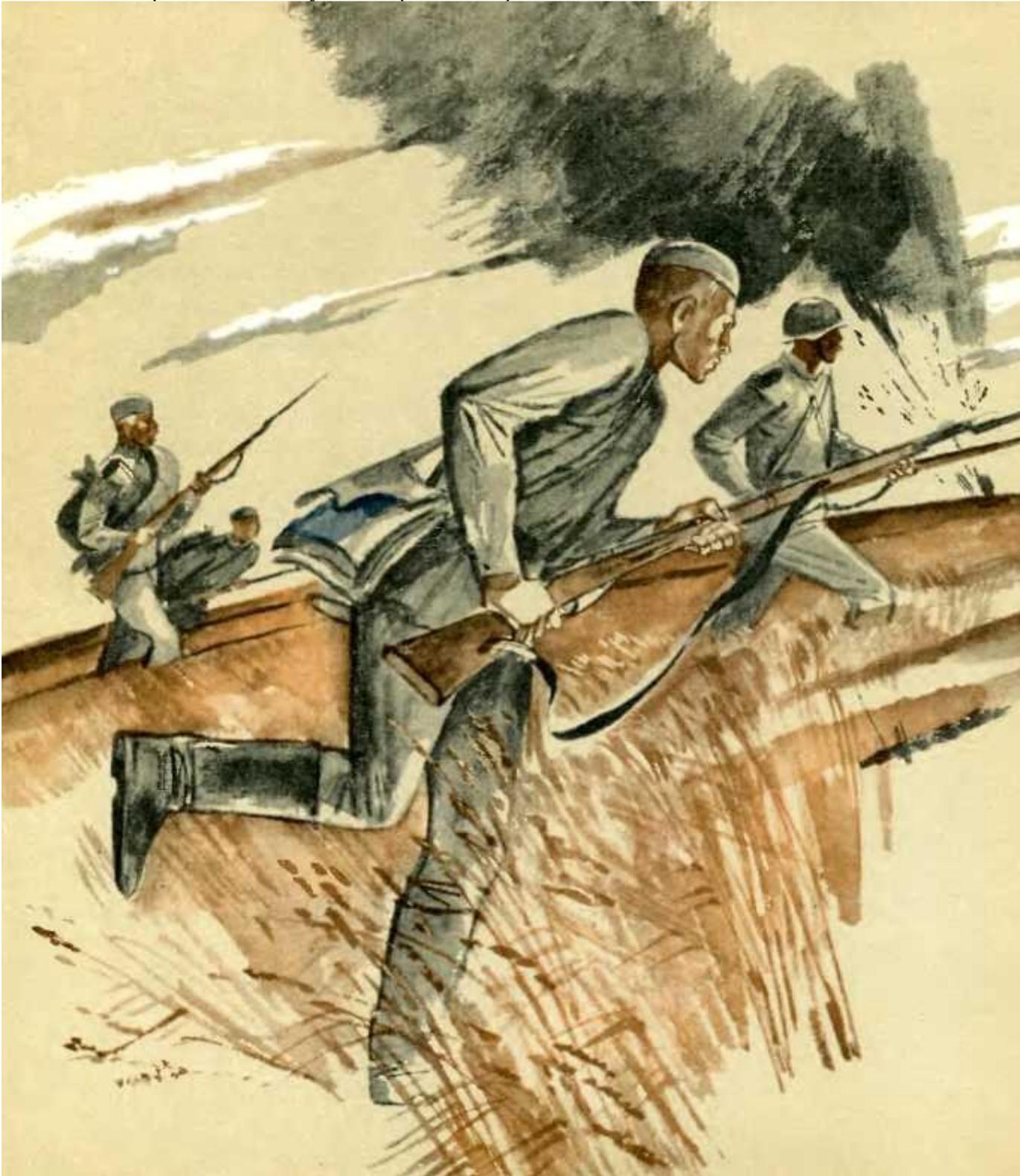
Пехотинцы отошли уже к середине поля, когда заревели огненные струи, вырываясь из эрзсов. Чертя дымные дуги, ракетные снаряды полетели за бугор. За бугром ухнуло – первый эрс, самый быстрый, самый нетерпеливый, грохнулся на фашистов. Следом ухнул ещё один. И замолотило, заколотило по земле.

Пехотинцы остановились. Глядели в небо, удивлённые. Кто-то крикнул. Кто-то подбросил вверх пилотку. И все побежали на бугор, к его вершине, только что оставленной.

– Гвардейцы, за мной! – услышал Борис голос командира батареи. – Поможем ещё пехоте!

Не видя, кто рядом, но чувствуя товарищей, солдат Михайлов побежал, огибая кусты, перепрыгивая кочки. Он влетел в пшеницу, запутался в ней сапогами. Но скоро приноровился, раздвигал её, как купальщик воду. В эти минуты он забыл обо всём. Знал только, что надо

бежать и бежать вперёд. И не было у него страха ни перед чем.

Когда Борис добежал до верхушки бугра, там пехотинцев не было. Они спускались по другому скату, преследуя врагов. Только один – молоденький, как Борис, – сидел на краю траншеи.

– Гвардейцы с нами... Гвардейцы с нами... – повторял он тихо.

Борис подумал, что солдата оставили передать им благодарность за помощь. Но вдруг понял, что солдат ранен, а слова «гвардейцы с нами» он кричал или шептал, когда пехота остановилась в пшенице и увидела над собой следы грозных эрсов.

– Куда ранило? – спросил Борис. – Больно?

– В плечо. Больно! – ответил пехотинец.

Борис Михайлов никогда ещё не перевязывал раненых и удивился ловкости, с которой

разрезал гимнастёрку и обнажил повреждённое плечо.

Он быстро разорвал индивидуальный пакет и прибинтовал марлевую подушечку к плечу солдата. Тут появилась девушка с санитарной сумкой. Она поправила повязку и повела солдата туда, где собирались раненые.

– Пойдём, миленький! Пойдём, хороший ты мой! – говорила она раненому.

...Дивизион двигался к новой стоянке, в рощу. Солнце клонилось к закату. Оно опять из-за пыльного облака смотрело вслед колонне. Не жаркое, не яркое, будто хвалило всех, кто одержал победу в бою за бугор, а по-военному – в бою за высоту.

На этот раз пушки врага не обстреливали дорогу.

Кругом было спокойно. Фашисты, бежав с высоты, бежали и с соседних участков.

Как приехали на место, Борис пошёл в штабную землянку к писарю – отдать письмо. Перед землянкой он остановился, развернул треугольничек, перечитал его:

«Милая мамочка! Я жив-здоров. Кормят сытно. Погода тёплая. Стоим в лесу. Обо мне не беспокойся. Мы сейчас отдыхаем. Крепко обнимаю и крепко-крепко целую. Твой Боря».

Борис всегда, с малых лет, говорил маме только правду. И, перечитав письмо, подумал, что надо переписать его. Но, если рассказать всё, что было за день, мама сильно встревожится, не успокоится до следующего письма. И он отдал треугольничек писарю – без поправок. Да и неправды в письме ведь не было. Они, гвардейцы, на самом деле отдыхали сейчас в лесу, и вечер был тёплый. А он, Борис, действительно жив и здоров.

Серьги для ослика

Морские пехотинцы держали оборону в горах. Одно отделение устроилось очень складно: заняло место среди отвесных скал. Снизу фашистам взобраться на эти скалы было почти невозможно. Правда, часто прилетал к скалам бомбардировщик, бросал бомбы. Но бойцы прятались в пещере. И бомбы не причиняли вреда, только дробили камень. Облако каменной пыли часами стояло над позицией отделения. Дышать каменной пылью было трудно, она скрипела на зубах, засоряла глаза. Но это – не самое тяжёлое на войне. Такое можно стерпеть и нужно было стерпеть. Ведь отделение под огнём своего оружия держало дорогу, по которой передвигались фашисты. И многих врагов настигала там гибель.

Хороша была позиция. Одно было там плохо – ни ручейка, ни родничка. А знойным летом, когда солнце раскаляет скалы так, что камень жжётся, пить ох как хочется! Воду бойцы ценили на вес золота. Да что золото! Если человек не жаден, не тщеславен, он прекрасно живёт без золота. А вот без воды прожить нельзя. Вода в скалах отмерялась строгой мерой. И только для питья. На умывание – ни капли.

Однако, по прошествии некоторого времени, наладилось и с водой. Как-то матрос Шалва Давижба, ходивший за продуктами в хозяйственную роту, увидел неподалёку от её расположения ослика. Ослик стоял в тени густого дерева, побрыкивал ногами, помахивал хвостом, встряхивал ушами – отгонял мух. Оказалось, что иного дела у него нет. Он ничей. Остался из-за войны без хозяина. Давижба привёл ослика к кухне и накормил так вкусно, так сытно, как ослику и не снилось. Потом навьючил на него два термоса с ключевой водой, на свою спину взвалил мешок с продуктами. И оба пошагали узкой тропинкой вверх, в скалы.

Всё отделение во главе с командиром обрадовалось появлению помощника. А Шалва Давижба сказал, что это ещё цветочки. Ягодки будут впереди. Надо только не покуситься и

накормить ослика в отделении не хуже, чем откушал он в хозяйственной роте. Загадочный совет Шалвы никто не понял, но моряки были щедрыми. И ослик, улёгшись в тени большого камня, всем видом показал, что ему тут нравится.

К вечеру, когда жара начала спадать, Шалва Давижба навьючил на ослика пустые термосы и повёл его вниз по тропинке – в хозяйственную роту. Там, хотя ноша на этот раз была пустяковой, ослик снова получил вкусную еду.

Всю ночь ослик пасся у ручья. А утром моряк опять навьючил на него воду, снова повёл в скалы... Это только так говорят, что ослы глупые. Во всяком случае тот ослик довольно скоро сообразил: за каждый рейс он получит немалое вознаграждение. И стал один, без провожатого, как самый исполнительный работник, носить воду в скалы и возвращаться с пустыми термосами в хозяйственную роту.

Моряки полюбили ослика. Назвали его Яша.

На войне всё переменчиво. Сегодня хорошо, а завтра вдруг и случится что-нибудь плохое. В один из дней пришёл Яша в скалы с окровавленной головой. Моряки быстро сняли с него поклажу. Прибежал санинструктор с медицинской сумкой. Оказалось, опасной раны нет. Прострелены навывлет винтовочной пулей оба уха. Из этих ранок и текла на голову кровь. Санинструктор забинтовал Яшины уши бинтами. Печальный лежал ослик у камня. Он ослаб от потери крови, и уши болели.

К вечеру, когда подошло время спускаться из скал в хозяйственную роту, Давижба принёс ослику еды – чтобы Яша остался на месте. Ослик поел немного, а потом подошёл к термосам и встал, ожидая, когда его навьючат.

– Ну, Яшка! – удивились и растрогались морские пехотинцы. – Ты и раненый не покидаешь поле боя!

– Что делать? – спросил Шалва Давижба у командира отделения. – Привязать его? Или пусть идёт?

– Пусть идёт, – сказал командир. – Но раньше пусть пойдёт на тропу Иван Рубахин. Это ведь немецкий снайпер стрелял в Яшу. Меткий стрелок, однако Яшу-то из-за камней на тропе не видно. Но в каком-то месте высунулись его уши. На минуту высунулись, а тот всё же успел их продырявить. Теперь фашист не успокоится, пока не застрелит осла.

Иван Рубахин был сибирский охотник. Он стрелял просто замечательно и умел подкрадываться к зверю так осторожно, что зверь о нём не догадывался. Наш снайпер

обследовал тропу и защитную стенку, сложенную из камней вдоль тропы, и нашёл место, где высунулись Яшины уши. После этого в бинокль осмотрел горы и определил, откуда мог стрелять, где прятался вражеский снайпер.

Три места показались подозрительными. Иван Рубахин приготовился к поединку. Солнце светило нашему моряку в затылок, врагу – в лицо. Как только враг приложится к своей винтовке, стёклышко её оптического прицела блеснёт под солнечным лучом. Этим враг и выдаст себя.

Иван Рубахин слушал, как стучат по камням копытца Яши. Вот они простучали за его спиной. Через секунду-две ослик окажется у опасного места. Часть его головы будет видна немцу. Секунда прошла. Вдали, в низком кустике блеснуло на солнце стекло. Рубахин нажал на

спусковой крючок...

Выстрел не испугал ослика. Но он остановился как бы в недоумении. Насторожил уши в белых бинтах. Иван Рубахин поднялся во весь рост, подошёл к ослику, потрепал по шее:

– Ну, друг, иди спокойно. Он больше стрелять не будет...

Яшины уши зажали, освободились от бинтов. Но остались в них дырочки. Однажды кто-то украсил Яшины уши ромашками, вставил в дырки по цветку.

Морские пехотинцы шутили:

– Яша у нас – модница. Уши нарочно подставил под выстрел, – чтобы дырки были, куда серьги вешать.

– А что, морячки, не раздобыть ли для Яши украшения подороже?

– Неужели морская пехота не отблагодарит Яшу, как надо?

– Морская пехота должником не была и не будет. Жди, Яша, подарок.

После таких разговоров прошло немного времени, и моряки выполнили обещание.

У фашистов были специальные войска – горные егеря. Они поднимались на скалы, спускались в пропасти, ходили по ледникам, как настоящие альпинисты. И вот два горных егеря, два фашиста-альпиниста, начали подниматься по совершенно отвесной скале, чтобы забросить наших бойцов гранатами. Враги не знали, что моряки уже обнаружили их, следят за ними. Они всё карабкались вверх. Когда оба егеря висели на верёвке высоко над пропастью, Иван Рубахин показался из-за камней со снайперской винтовкой и приказал по-немецки:

– Оружие бросить в пропасть. Самим продолжать подъём.

Егеря исполнили приказ беспрекословно.

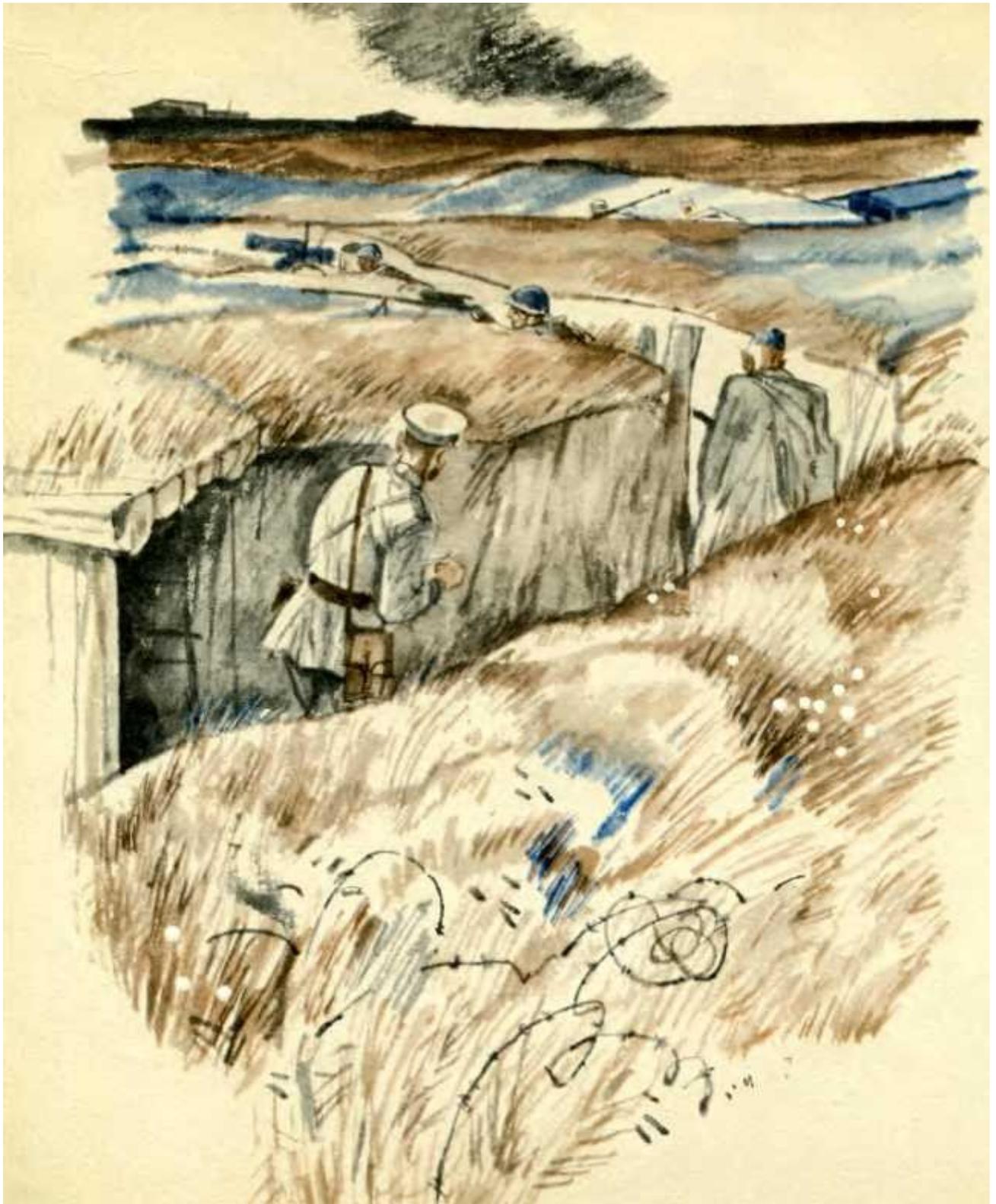
Оба пленника имели железные кресты – фашистские ордена. Пленных отвели в штаб

полка. А из железных крестов моряки сделали серьги для ослика.

Яша носил трофейные украшения до нашей победы в горах. Были и другие ослики в других подразделениях. А самой большой известностью пользовался Яша.

Длинное ружье

Глеб Ермолаев пошёл на войну добровольцем. По своей доброй воле он подал заявление в военкомат и просил поскорее отправить его на фронт – сражаться с фашистами. Глебу не было восемнадцати лет. Он мог бы пожить ещё дома, полгода или годик, – с мамой и сёстрами. Но фашисты наступали, а наши войска отступали; в такое опасное время, считал Глеб, нельзя медлить, надо идти на войну.

Как все молодые солдаты, Глеб хотел попасть в разведку. Он мечтал пробираться в тыл врага, брать там «языков». Однако в стрелковом взводе, куда он прибыл с пополнением, ему сказали, что будет он бронейщиком. Глеб надеялся получить пистолет, кинжал, компас и бинокль – снаряжение разведчика, а ему дали ПТР – противотанковое ружьё – тяжёлое, длинное, нескладное.

Солдат был молод, но понимал, как это плохо, если не любишь вверенное оружие. Глеб пошёл к командиру взвода, к лейтенанту с не очень хорошей фамилией Кривоzub, и всё рассказал начистоту.

Лейтенант Кривоzub был старше солдата всего на три года. Волосы у него были чёрные, кудрявые, лицо смуглое, а рот полон белых, ровных зубов.

– Так, значит, в разведку? – переспросил лейтенант и, улыбнувшись, показал свои прекрасные зубы. – Я сам о разведке думаю. Давай переименуем стрелковый взвод в разведвзвод и все махнём в тыл к фашистам. Я, – сказал Кривоzub шёпотом, – давно бы это сделал, да вот никак не могу сообразить, кто вместо нас будет оборонять этот участок. Ты, случайно, не знаешь?

– Не знаю, – тоже шёпотом ответил Глеб. Он обиделся на лейтенанта за такой разговор и покраснел от обиды.

– Смелые люди нужны не только в разведке, – сказал лейтенант, помолчав. – Нелёгкое

дело досталось тебе, солдат Ермолаев. Ох, какое нелёгкое! Ты со своим ПТРом будешь сидеть в самом переднем окопе. И ты непременно подобьёшь танк врага. Иначе он подойдёт к траншее, где обороняется взвод, и всех передавит гусеницами. Пока у нас тихо, с вами, новичками, займётся опытный бронейщик. Потом помощника получишь. Ты – первый номер в расчёте, он будет вторым. Иди...

На том участке фронта в то время действительно было тихо. Где-то земля сотрясалась от взрывов, где-то гибли люди, а здесь, на ровном сухом лугу, заключённом между двумя рошицами, только кузнечики стрекотали. С настырным усердием извлекали они из своих сухоньких телец однообразные звуки – без передышки, без остановки. Не ведали кузнечики, какой смерч пронесётся над лугом, не знали, как горяча и туга взрывная волна. Если бы ведали, если бы знали, поспешили бы высокими прыжками – через кустики полыни, над кочками – подальше от этих мест.

Солдат Глеб Ермолаев кузнечиков не слышал. Он усердно работал лопатой – рыл свой окоп.

Место для окопа было уже выбрано командиром. Отдыхая, когда слабели руки, Глеб старался представить, где пойдёт танк фашистов. Получалось, что танк пойдёт там, где и предполагал командир, – по ложбине, что тянулась через весь луг слева от окопа. Танк, как и человек, тоже старается укрыться в каком-либо углублении – чтобы труднее было попасть в него. А стрелять в танк будут наши пушки, замаскированные в рощицах. Окоп в стороне от ложбины. Когда танк будет на одной линии с окопом, солдат Ермолаев влетит ему в бок бронебойно-зажигательную пулю. На таком расстоянии промахнуться трудно. Пуля пробьёт броню, влетит в танк, попадёт в бак с бензином, или в снаряд, или в мотор – и дело сделано.

Но что если танков окажется два или три? Что тогда?

Представить, как он будет воевать с тремя танками, Глеб не мог. Но не мог он допустить в

своих мыслях, что вражеские машины пройдут к траншее. «Пушки подобьют», – успокаивал он себя и, успокоенный, снова принимался долбить лопатой закаменевшую глину.

К вечеру окоп был готов. Глубокий настолько, что в нём можно было стоять во весь рост, он понравился Глебу. Глеб поверил в надёжность укрытия и ещё целый час хлопотал, благоустроивал его. В боковой стенке выкопал нишу для патронов. Ещё выкопал ямку для фляги с водой. Несколько раз уносил в плащпалатке глину – подальше от окопа, чтобы коричневое пятно не выдало врагам его убежище. С этой же целью утыкал ветками полыни насыпь перед окопом.

Второй номер – помощник, обещанный лейтенантом, пришёл к Глебу только в сумерках. Вместе со взводом он тоже занимался земляными работами – солдаты углубляли траншею, копали ходы сообщения.

Второй номер был втрое старше Глеба. На его небритом лице сияли лукавством голубые глазки. Красноватый носик торчал шильцем. Губы были вытянуты вперёд, словно постоянно дули в невидимую дудочку. Ростом он был мал. Совсем короткими показались Глебу его ноги – в башмаках и обмотках. Нет, не такого товарища ждал бронебойщик Ермолаев. Ждал опытного бойца, которому с почтением и радостью подчинился бы, которого слушался бы во всём. И первый раз за всю неделю, что был на передовой, Глеб встревожился. Стало ему тоскливо, появилось предчувствие чего-то нехорошего, непоправимого.

– Семён Семёнович Семёнов, – назвал себя второй номер.

Он сел на край окопа, ноги опустил вниз и постучал каблуками о глинистую стенку.

– Крепкая земля. Не обвалится, – сказал понимающе. – Но очень глубоко. Мне из этого

окопа только небо будет видно, а мы ведь не по самолётам должны стрелять – по танкам. Перестарался ты, Ермолай Глебов.

– Я по своему росту копал. А зовут меня Глеб Ермолаев. Вы фамилию и имя перепутали.

– Перепутал, – очень охотно согласился второй номер. – А моё прозвание очень удобное. Заменяй фамилию отчеством, отчество именем – всё равно будет правильно.

Семён Семёнович посмотрел вдаль, туда, где у конца луга серой неясной полоской виднелась просёлочная дорога, и проговорил:

– Длинное у тебя ружьё, а надо бы ещё длиннее. Чтобы достало через луг до дороги. Танки-то оттуда пойдут... Или ствол согнуть – буквой Г. Присел в окопчике – и стреляй в безопасности... Однако, – тут голос Семёна Семёновича стал строгим, – сделал ты, Глеб Ермолаев, ещё одну ошибку – выкопал окоп на одного. Мне на лугу, что ли, лежать? Без укрытия? Чтобы меня в первую минуту убили?

Глеб покраснел, как в разговоре о разведке с лейтенантом Кривоzubом.

– То-то! Ты – первый номер, командир. Я – второй номер, подчинённый. А мне приходится учить тебя. Ну ладно, – закончил Семён Семёнович великодушно, – завтра и мне ямку прикопаем. Не велика работа. Я сам-то не велик...

Последние слова растрогали Глеба. Ночью он долго не мог заснуть. Через шинель, постеленную на земле, кололи то ли камешки, то ли жёсткие корешки. Он поворачивался, чтобы было удобнее, слушал, как ходит часовой вдоль траншеи, и думал о Семёне Семёновиче. «Он, верно, добрый человек. Они, верно, подружатся. А окоп Глеб сам доделает. Пусть Семён Семёнович отдыхает. Он и стар. Он и мал. Ему на войне вот как тяжело!»

Прикопать окоп не удалось. На рассвете заухали взрывы.

На рощицы пикировали самолёты и сбрасывали бомбы. Страшнее взрывов был вой пикировщиков. Чем ниже скользил самолёт к земле, тем невыносимее становился рёв его моторов и сирен. Казалось, что с этим душераздирающим воплем самолёт врежется в землю и она разлетится, словно стеклянная. Но самолёт над самой землёй выходил из пике, круто лез в небо. И земля не разлеталась, как стеклянная, она вздрагивала, на ней вздувались чёрные волны комков и пыли. На гребнях тех волн качались и кувыркались берёзы, вырванные с корнем.

– По местам! По местам! – кричал лейтенант Кривозуб. Он стоял у траншеи, смотрел в небо, стараясь определить, будут ли фашисты бомбить взвод, или сбросят все бомбы на тех, кто занимал оборону по опушкам рощиц.

Самолёты улетели. Лейтенант повернулся, оглядел солдат, притихших на своих местах. Прямо перед собой он увидел Глеба с противотанковым ружьём и Семёна Семёновича.

– Ну, вы что? Идите! – сказал он негромко. – Сейчас будет атака...

– Я один. Второму номеру остаться в траншее! – выкрикнул Глеб, вылезая на бруствер. И добавил, объясняя своё решение: – У нас окоп только на одного...

Глеб тревожился, что не успеет подготовиться к отражению атаки. Он спешно расставил сошки противотанкового ружья, зарядил ружьё, поправил польнные веточки перед окопом – чтобы не мешали смотреть и стрелять, снял с ремня флягу, положил в ямку...

А врагов всё не было. Тогда он посмотрел назад, на траншею взвода, и не увидел её – то ли она была так ловко замаскирована, то ли была очень далеко. Глебу стало тоскливо. Ему показалось, что он один-одинёшенек на этом голом лугу и все забыли о нём – и лейтенант Кривоzub, и Семён Семёнович. Захотелось сбегать проверить – на месте ли взвод? Желание это было такое сильное, что он начал выбираться из окопа. Но тут – и близко, и далеко – стали с грозным треском лопаться мины. Фашисты обстреливали позицию взвода. Глеб пригнулся в своём окопе, слушал взрывы и думал – как выглянуть из окопа, чтобы осмотреться? Высунешь голову – осколком убьёт! И нельзя не выглянуть – может, враги уже совсем близко...

И он выглянул. По лугу катился танк. Позади редкой цепью, пригибаясь, бежали автоматчики.

Самое неожиданное и потому очень страшное было то, что танк двигался не по ложбине, как предполагал лейтенант, не в стороне от окопа, а прямо на окоп броней бойщика. Лейтенант Кривоzub рассуждал правильно: танк поехал бы по ложбине, если бы в него стреляли из рожниц пушки. Но наши пушки не стреляли, они погибли под бомбёжкой. И фашисты, остерегаясь, что ложбина заминирована, пошли напрямую. Глеб Ермолаев готовился стрелять в борт фашистского танка, где броня тонкая, а приходилось теперь стрелять в лобовую броню, которую и не каждый снаряд возьмёт.

Танк приближался, гремя гусеницами, покачиваясь, будто кланяясь. Позабыв об автоматчиках, броней бойщик Ермолаев втиснул приклад ружья в плечо, прицелился в смотровую щель водителя. И тут сзади длинной очередью вдруг ударил пулемёт. Пули засвистели рядом с Глебом. Не успев ни о чём подумать, он выпустил ПТР из рук и присел в окопе. Он испугался, что свой пулемётчик зацепит его. А когда Глеб сообразил, что пулемётчик и стрелки взвода бьют по фашистским автоматчикам, чтобы не подпустить их к Глебову окопу, что они прекрасно знают, где его окоп, стрелять по танку было уже поздно. В окопе стало темно, как ночью, дохнуло жарой. Танк наехал на окоп. Грохоча, крутился на месте. Зарывал в землю броней бойщика Ермолаева.

Как из глубокой воды, Глеб рванулся из своего засыпанного окопа. То, что спасён, солдат понял, вдохнув воздух сквозь забитый землёй рот. Он тут же открыл глаза и увидел в синем бензиновом дыму корму уходящего танка. И ещё увидел своё ружьё. Оно лежало полузасыпанное, прикладом к Глебу, стволом в сторону танка. Верно, ПТР попало между гусеницами, крутилось вместе с танком над окопом. В эти тяжкие минуты и стал Глеб Ермолаев настоящим солдатом. Он рванул к себе ПТР, прицелился, выстрелил с обиды за свою оплошность, искупая вину перед взводом.

Танк задымил. Дым шёл не из выхлопных труб, а из туловища танка, находя для выхода щели. Потом вырвались с боков и из кормы плотные, чёрные клубы, перевитые лентами огня. «Подбил!» – ещё не веря в полную удачу, сказал Глеб самому себе. И поправил себя: «Не подбил. Поджёг».

За тучей чёрного дыма, стелившегося по лугу, ничего не было видно. Только слышалась стрельба: солдаты взвода довершали схватку с вражеским танком. Вскоре из дыма выскочил лейтенант Кривоzub. Он бежал с автоматом к ложбине, где укрылись после гибели танка вражеские автоматчики. За командиром бежали солдаты.

Глеб не знал, что делать ему. Тоже бежать к ложбине? С противотанковым ружьём не очень-то побежишь, вещь тяжёлая. Да и бежать он не мог. Он так устал, что ноги еле держали

его. Глеб сел на бруствер своего окопа.

Последним из дымовой завесы выбежал маленький солдатик. Это был Семён Семёнович. Он долго не мог вскарабкаться на насыпь перед траншеей и отстал. Семён Семёнович заметался на лугу – рванулся к ложбине за всеми, потом метнулся в сторону Глеба, увидев его, сидящего на земле. Подумал, что первый номер броневой расчёта ранен, нуждается в перевязке, и побежал к нему.

– Не ранен? Нет? – спросил Семён Семёнович и успокоился. – Ну, Ермолай Глебов, крепко ты его ударил...

– Да не Ермолай я, – сказал Глеб с досадой. – Когда же вы запомните это?

– Всё я помню, Глеб! Так это я говорю от неловкости. Мы же вдвоём должны были бить его. А ты, видишь, в траншее меня оставил...

– И правильно, окоп-то был на одного.

– Правильно, да не очень. Вдвоём-то повеселее было бы...

Глебу от этих слов и от всего, что произошло, стало так хорошо, что он чуть не заплакал.

– Эх, Семён Семёнович, – сказал он, и голос его задрожал. – Насидимся мы ещё вдвоём. И танков вдвоём настреляем. А этот, наш первый, близко к траншее подошёл?

– Близко. Фашисты из него выскакивали прямо к нам на винтовки.

...Минуло ещё несколько тревожных дней – с бомбёжками, с артиллерийским и миномётным обстрелом, а потом всё стихло. Наступление фашистам не удалось. В тихие дни Глеба Ермолаева вызвали в штаб полка. Лейтенант Кривоzub рассказал, как идти туда.

В штабе полка, в овраге, заросшем густыми кустами, собралось много народу. Оказалось, это были бойцы и командиры, отличившиеся в недавних боях. От них Глеб узнал, что происходило справа и слева от его взвода: фашисты наступали полосой в несколько километров и нигде им не удалось прорвать нашу оборону.

Из штабной землянки, вырытой в склоне оврага, вышел командир полка. Храбрецы уже стояли ровным строем. Их вызывали по списку, они по очереди выходили и получали награды.

Выкликнули Глеба Ермолаева.

Полковник, человек строгий, но, судя по глазам, и весёлый, увидев перед собой совсем молодого солдата, подошёл к Глебу и спросил, как отец спрашивает сына:

– Страшно было?

– Страшно, – ответил Глеб. – Струсил я.

– Это он-то струсил! – закричал вдруг задорным голосом полковник. – На нём танк фокстрот танцевал, а он танцы перетерпел и изуродовал немцам машину, как бог черепаху. Нет, ты скажи прямо, не скромничай – не боялся ведь?

– Струсил, – снова сказал Глеб. – Я танк случайно подбил.

– Вот, слышите? – закричал полковник. – Вот молодец! Да кто бы тебе поверил, если бы сказал – не трусил. Как же не бояться, когда на тебя одного такая штука лезет! Но насчёт

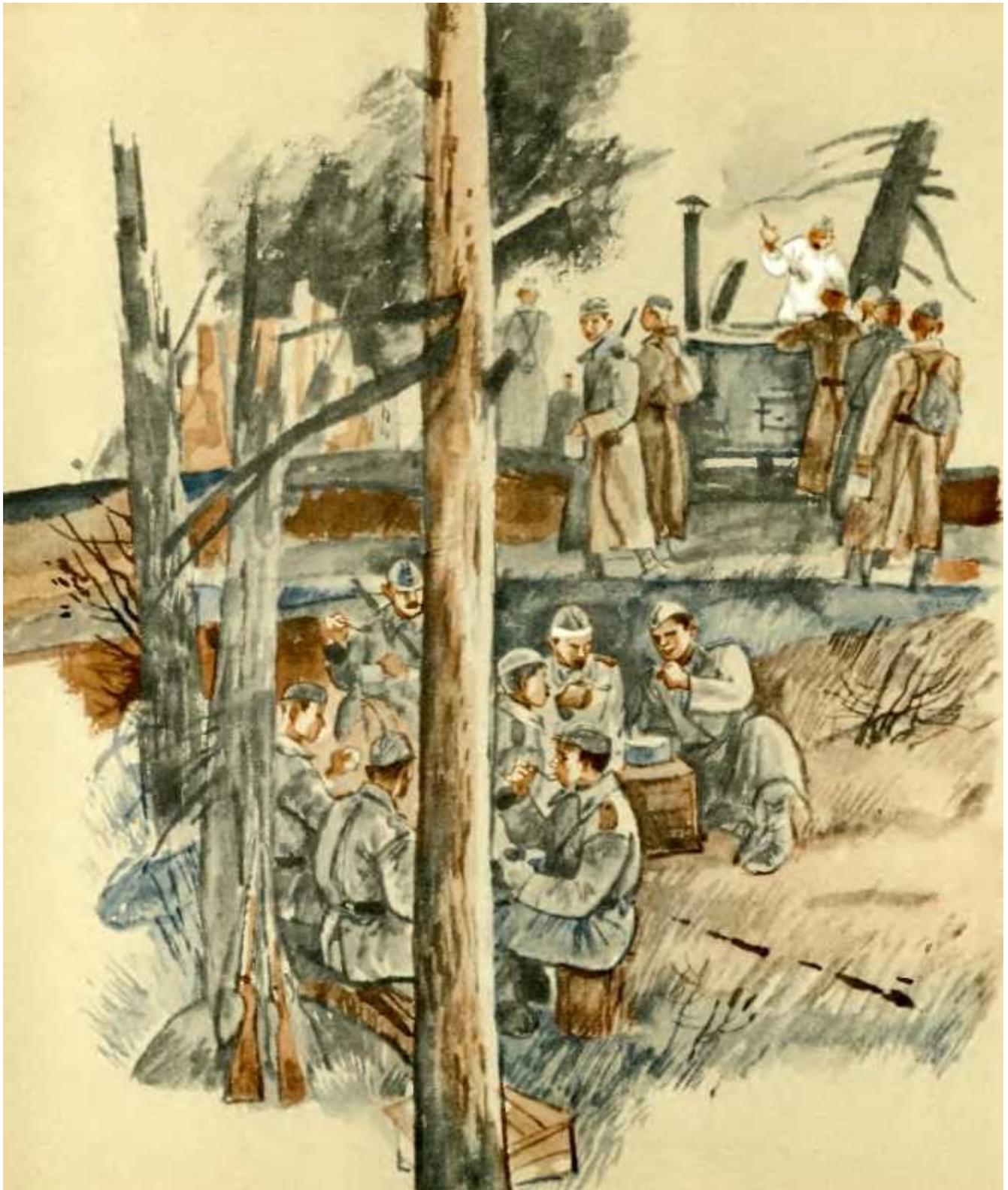
случайности ты, сынок, ошибаешься. Подбил ты его закономерно. Ты в себе страх переборол. Загнал свой страх в башмаки под пятки. Тогда уж и целился смело и смело стрелял. За подвиг тебе полагается орден Красной Звезды. Дырочку на гимнастёрке что же не проткнул? Имей в виду, как ещё танк сожжёшь, так протыкай дырку – будет ещё орден.

Глеб Ермолаев был в смущении от похвалы командира. Однако, получив коробочку с орденом, не забыл сказать:

– Служу Советскому Союзу!

Опасный суп

Случай с поваром Никитой Головым произошёл в ту пору, когда фашисты отступали по всему фронту. Уже отгремела знаменитая Сталинградская битва. И знаменитая Курская битва – тоже. Захватчики, хотя и сопротивлялись изо всех сил, катились и катились к своей Германии. Они были всё ещё опасны, но гонор и спесь сошли с них. В их мрачных душах поселился страх, а самым заветным желанием стало желание благополучно унести ноги восвояси.

В то время солдат Голов был поваром в дивизионе зенитных орудий. В повара он попал случайно. Его попросили – до прибытия специалиста – варить солдатам еду. Голов согласился. Не сидеть же артиллеристам на хлебе и воде. Но поскольку у нового кулинара к назначенному часу, при любых обстоятельствах, всё бывало готово, командир дивизиона оставил его в поварах.

Однако поварская должность не изменила характер Голова. Он по-прежнему был боевым солдатом. Карабин, смазанный тонким слоем ружейного масла, всегда был готов к стрельбе. У него всегда хранился запас патронов, в том числе бронебойных и зажигательных. Имелся пяток гранат. Был и приличный запас тола. Впрочем, тол нужен был Голову не для подрыва чего-либо. В ненастные, дождливые дни, когда не найти сухой ветки, сухой щепки, повар разжигал толлом печку. Подождённый спичкой тол горит спокойно, оплавляясь и растекаясь по дровам, зажигает их.

Артиллеристы посмеивались над поварским арсеналом:

– Никита, ты не перепутай картошку с гранатами!

А один приклеил на дерево, под которым стояла кухня, такое объявление:

Сегодня

Первое блюдо: суп картофельный с трассирующими пулями.

Второе блюдо: латшевник из бикфордова шнура.

Голов к шуткам относился спокойно. Объявление ему даже понравилось. Он аккуратно отлепил листок, сложил и спрятал в карман гимнастёрки – «на память о фронтовых друзьях».

Разливая в тот день суп по котелкам, он благодушно балагурил с артиллеристами:

– Вам что ни свари, вы всё слопаете! Вас жареной фугаской не испугаешь. Но я-то знаю, чего вы боитесь. Вот оставлю как-нибудь без обеда, вы и кончите свои глупые шуточки.

Говоря эти слова, повар Никита Голов, конечно, не знал, что уже на следующий день осуществит свою угрозу. Правда, вынудят его к этому обстоятельства более значительные, чем шуточки товарищей.

Утром нового дня дивизиону было приказано переместиться километров на двадцать западнее – к мосту у пересечения железной дороги с дорогой шоссейной. Мост наши стрелки отбили у фашистов ночной атакой. Фашисты бежали, не успев взорвать его. Несомненно, враг постарается разбомбить мост, тогда прервётся движение и по шоссе, и по железной дороге.

На охрану такого важного объекта и посылали теперь дивизион.

Никита Голов, накормив солдат ранним завтраком, пожелал им счастливого пути, а сам с шофёром крытого грузовика остался на месте. Он должен был сварить здесь обед и доставить его к двенадцати часам на новые позиции. Здесь были в избытке дрова, а главное, был в овражке колодец с чистой, родниковой водой.

Грузовик с кухней на прицепе выехал с обжитого места в начале двенадцатого. Ехать недалеко. Всё время по шоссе. Суп из перловой крупы тряски не боится. Да и дорога нетряская, асфальт. В кухонной печке полно горячих углей, так что обед прибудет в готовности – только подставляй котелки.

Обо всём этом подумал в начале пути повар Голов. Потом он думал о том, что воевать теперь гораздо легче, чем в сорок первом году. Вот идёт справа от дороги на небольшой высоте шестёрка штурмовиков. А высоко кружит звено истребителей. Это всё наши самолёты, советские! Куда полетели штурмовики? Верно, увидели фашистов. Сверху лётчикам видно, что происходит на земле: где наши, а где фашисты. Уж скоро месяц, как фашисты – многие, многие тысячи – окружены на большом пространстве среди полей, болот и лесов. Они пытаются вырваться из кольца. Бросаются то на запад, то на юг, то на север. А наши нигде не пускают. Уничтожают, берут в плен.

Солнце, стоявшее в безоблачном небе, раскалило воздух. Никиту Голова жара разморила. Встал-то он ведь очень рано, начал готовить завтрак ещё до рассвета. Глазами, которые закрывались в сладкой дреме, он смотрел на шоссе. Шоссе, по которому обычно катили и танки, и пушки, и «катюши», и пехота в грузовиках, в эти минуты было пустынно. Оно круто спускалось в низину, чтобы потом так же круто подняться на холм. Грузовик весело катил под гору. Голов представил, как захватит у него дух, когда машина, закончив спуск, вылетит на подъём, и улыбнулся – как всё же хорошо идут дела и у него, солдата-повара, и у всех солдат Советской Армии.

И только он это подумал, и только грузовик с кухней достигли нижней точки спуска, как из густых кустов ольховника, росших за обочиной, ударил очередью пулемёт. Вторая очередь простучала глуше – били вдогон.

Шофёр выжимал из мотора все силы. Грузовик словно летел в гору. Никита Голов высунулся из кабины и увидел фашистов. С автоматами, с ручными пулемётами, они шеренгами выходили из кустов и бегом пересекали шоссе. Какая-то вражеская часть то ли уходила от преследования, то ли рассчитывала в этом направлении найти выход из окружения.

Влетев на верхушку холма и чуть спустившись по новому спуску, грузовик и кухня, шофёр и повар оказались в безопасности. Взгорок закрыл их от фашистских пуль.

– Стой! – сказал Голов. – Надо посмотреть, что и как. Ты осмотри машину. Я посмотрю, что делается внизу.

Фашисты всё бежали и бежали через шоссе. Их было много. А наших – двое.

Солдат Голов хорошо помнил главное военное правило: не делать такого, что понравилось бы врагу, а делать только то, что врагу не понравится. Главное военное правило в этом случае давало совершенно определённый совет: помешать фашистам переходить через шоссе.

Сердце Никиты Голова билось тревожно и азартно. Пронеслась мысль: стрелять по фашистам из карабина. Тут же пронеслась ещё мысль: после первых выстрелов автоматчики врага побегут кустами на подъём, и придётся снова удирать, рискуя автомашиной, кухней, жизнью друга-шофёра и своей собственной жизнью. Платить такую цену за два-три удачных выстрела не было смысла.

Никита Голов ещё раз посмотрел, как фашисты переходят дорогу, и пошёл к своему грузовику. От кухни по жаркому воздуху распространялся аромат свиной тушенки, смешанный с угарным запахом залитых углей. Та, вторая пулемётная очередь, посланная вдогон, изрешетила кухню. Белёсый бульон с разваренными зёрнами перловой крупы струйками стекал с днища кухни на асфальт. «Через полчаса обед. Чем ребят кормить буду?» – подумал повар. И тут он совершенно спокойно, ничуть не сомневаясь в правильности решения, открыл железный шкафчик кухни, вставил в толовую шашку запал, зажёл спичкой бикфордов шнур и закрыл шкафчик на обе защёлки. Вдвоём с шофёром они отцепили кухню от грузовика. Напрягаясь, упираясь сапогами в мягкий асфальт, покатали её на пригорок.

Затем, придавая кухне правильное направление, нацеливая её на врагов, разогнали и пустили вниз с крутой горы.

Надо было немедленно уезжать. Но повар хотел своими глазами видеть, как сработает его сухопутная торпеда.

– погоди минуту, – сказал он шофёру. – Погляжу из кустов...

– Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Внимание! – закричал немецкий ефрейтор, первым увидевший опасность. – Цурюк! Назад!

– Вас ист лес? Вас ист дас? Что случилось? Что это такое? – спрашивали друг друга фашисты.

Кухня пронеслась перед их оторопелой толпой. Миновав нижнюю точку спуска, она

медленно покатила вверх.

– Дас ист фельдкюхе! Это полевая кухня! – закричали наперебой автоматчики. Оправившись от испуга, они захохотали, закачались от смеха.

Фашисты, теперь уже не шеренгами, а в беспорядке, снова побежали через шоссе. А кухня остановилась на крутом подъёме, какое-то мгновение постояла там, словно раздумывая, и пошла вниз. Спускалась она медленно, опустившееся дышло чертило асфальт, тормозило движение.

«Неужели остановится?» – подумал Никита Голов и пожалел, что бикфордов шнур оказался слишком длинный. Был бы покороче, кухня взорвалась бы в самый подходящий момент.

Она всё же доехала до самой нижней точки спуска. Остановилась на самом ходу. Фашисты обегали её, как островок. Но вот один, привлечённый запахом съестного, взобрался на кухню, открыл крышку котла, зачерпнул котелком суп. И тут, не слушая окриков командира, фашисты полезли на кухню со всех сторон.

В этот момент рванул взрыв.

Он был достаточно сильный. Голов не мог определить, сколько фашистов погибло. Запомнилось колесо кухни, чёрным бубликом летевшее над дорогой.

– Жми! – скомандовал он шофёру, вскочив в кабину грузовика.

Повар не знал, что после взрыва появились на шоссе наши самоходки. Они открыли огонь по фашистам и не дали остаткам колонны перейти шоссе. Самоходчики по радио сообщили о неожиданном бое своему командованию. Вскоре над полями и лесочками, по обе стороны шоссе, пошли наши самолёты-штурмовики на бомбёжку и обстрел врага. А роты наших автоматчиков вместе с партизанами перекрыли в том районе все выходы из лесов.

Свой дивизион Голов увидел ещё издали. В стороне от решётчатого железнодорожного моста, задрав в небо длинные стволы, стояли зенитные пушки. Они уже были обнесены земляными валами. И тут повар Никита Голов малость испугался. Он знал, какая это трудная работа – рыть укрытия для пушек. Чувствовал, как проголодались артиллеристы, как ждут кухню с супом и кашей. А супа нет. Каши нет. И самой кухни нет. Разумно ли он сделал, употребив кухню не по назначению?

В таком неважном настроении пошёл солдат Голов к командиру дивизиона – доложить о происшествии.

– Где кухня, Голов? – спрашивали по пути артиллеристы. – Ты что? Вправду нас без обеда оставил?

– Со мной шутки плохи, – мрачно отзывался Голов. – Я предупреждал. А поварская должность с этой минуты свободна. Хватит с меня черпаком махать.

От командира дивизиона Никита Голов вышел весёлый. Всё он сделал правильно. И не просто правильно. А находчиво. И ещё командир сказал, чтобы он не думал бросать поварскую работу. Во всей армии теперь не найти другого повара, который умел бы сварить такой опасный суп. А кухню получит новую.

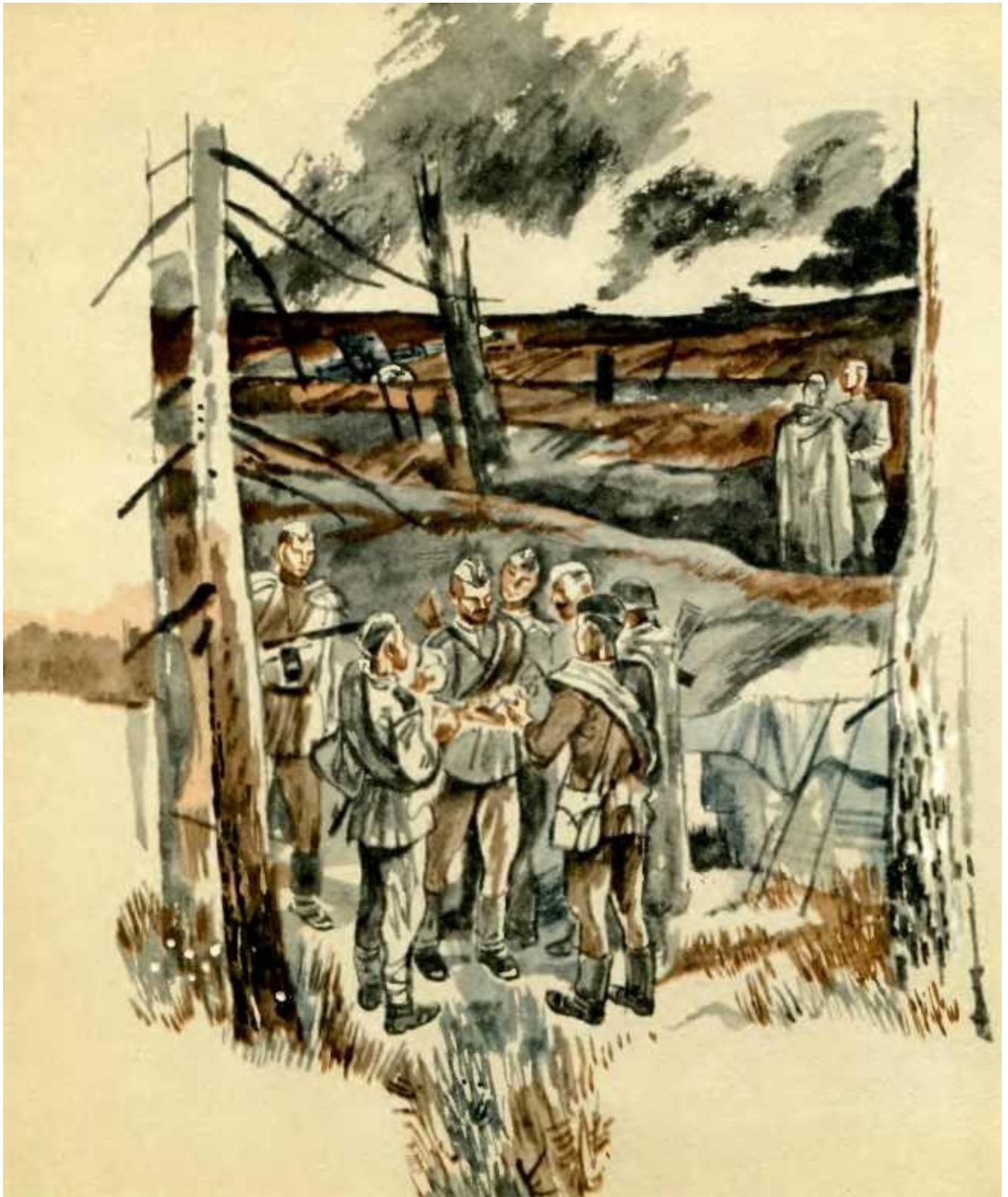
Обед выдавался артиллеристам в этот раз сухим пайком. Закончив раздачу хлеба и консервов, Никита Голов лёг в тени грузовика и, сморённый жарой и тревогами, заснул. Разбудил его штабной писарь. Писарь стоял у грузовика и пробовал пальцем дырки в фанерном кузове.

– Да, – сказал писарь, – если бы немец чуть раньше нажал на спусковой крючок, убил бы он вас обоих. А так очередь позади прошла... Дело вот в чём, – продолжал писарь, – приказано писать на тебя наградной лист. К награде тебя представляем. Я уже написал. Но получается как-то несерьёзно. Кто прочтёт, будет смеяться. Я сам смеялся. Может быть, другие какие обстоятельства были, серьёзные?

– Других обстоятельств не было, – ответил Голов, закрывая глаза и засыпая. – А то, что смешно, я не виноват...

Отпуск на четыре часа

Солдату чаще всего приходилось воевать вдали от дома. Дом у него в горах на Кавказе, а он воюет в степях на Украине. Дом в степи, а он воюет в тундре у холодного моря. Место, где воевать, никто сам себе не выбирал. Однако бывало, что солдат защищал или отбивал у врага свой родной город, свою родную деревню. В родных краях оказался и Василий Плотников. После того как закончился бой и фашисты отступили, солдат попросил у командира разрешение – сходить в деревню Яблонцы. Там его дом. Там жена с маленькой дочкой и старенькая мама. До Яблонцев всего-то десяток километров.

– Хорошо, – сказал командир. – Даю вам, рядовой Плотников, отпуск на четыре часа. Возвращайтесь без опоздания. Сейчас одиннадцать, а в пятнадцать придут грузовики, поедem на новые позиции.

Товарищи Плотникова принесли свои продовольственные запасы – консервы, сухари, сахар. Всё сложили ему в вещевой мешок. Пусть угостит семью. Дары не велики, но ведь от всего сердца! Они немного завидовали Плотникову. Шутка ли – два года не видел родных, ничего не знал о семье, а теперь – скорое свидание. Правда, солдаты думали и о том, что жена Плотникова, и маленькая дочка, и старенькая мама могли погибнуть в фашистской неволе. Но печальные думы вслух не высказывали.

А Василий Плотников сам об этом думал. И поэтому радость его была тревожная. Он сказал товарищам только одно слово: «Спасибо!», надел на плечи лямки вещевого мешка, на шею повесил автомат и зашагал напрямик через поле, через лесок к Яблонцам.

Деревня Яблонцы была небольшая, но уж очень красивая. Она часто снилась солдату Плотникову. Под высокими старыми вѣтлами, как под зелёным шатром, в прохладной тени стояли крепкие дома-с резными крылечками, с чистыми скамеечками перед окнами. За домами были огороды. И всё росло в этих огородах: жёлтая репа, красная морковь, тыквы, похожие на кожаные мячи, подсолнухи, похожие на латунные, начищенные до блеска тазы, в которых варят варенье. А за огородами стояли сады. Зрели в них яблоки – какие только пожелаешь! Сладко-кислые грушочки, сладкие, как мёд, терентьевки и самые лучшие на всём свете антоновские яблоки. Осенью, когда замачивали антоновку в бочонках, когда укладывали в ящики для зимнего хранения, перестилая слои ржаной соломой, всё в Яблонцах пахло яблоками. Ветер, пролетая над деревней, пропитывался этим запахом и разносил его далеко по округе. И люди – прохожие ли, проезжие, чей путь был в стороне от Яблонцев, – сворачивали с дороги, заходили, заезжали туда, наедались яблоками вдоволь, с собой захватывали. Щедрая была деревня, добрая.

Василий Плотников торопился. Чем скорей дойдѣт до деревни, тем больше времени будет на свидание с родными. Все тропки, все дорожки, все овражки и бугорки были известны ему с детства. И вот через час с небольшим увидел он с высокого места Яблонцы. Увидел. Остановился. Глядел.

Не было над Яблонцами зелёного шатра. Вместо него была растянута в небе чёрная, изорванная паутина: листья на высоких вѣтлах сгорели, ветки тоже сгорели, а сучья обуглились, они-то и расчертили небо чёрной паутиной.

Сердце у солдата Василия Плотникова сжалось, заболело. Что было сил он побежал к деревне. Слово хотело чем-то помочь своим Яблонцам. А помочь ничем уже было нельзя. Стали Яблонцы пепелищем. Прокалѣнная земля была засыпана серой, как дорожная пыль, золой, усеяна головешками.

Среди этого праха стояли закопчённые печи с высокими трубами. Непривычно и жутко было видеть кирпичные трубы такой высоты. Прежде-то их закрывали крыши, и никто их такими не видел. Печи казались живыми существами, какими-то огромными птицами, тянувшими длинные шеи в пустое небо. Птицы хотели взлететь в страшную минуту, но не успели и остались, окаменевшие, на месте.

Дом Василия Плотникова до пожара стоял в середине деревни. Солдат легко отыскал и узнал свою печку. Сквозь копоть просвечивала побелка. Он сам белил печку перед тем, как уйти на войну. Тогда же сделал много другой работы вокруг дома – чтобы жене, матери и дочке жилось полегче. «Где же они теперь? Что с ними стало?»

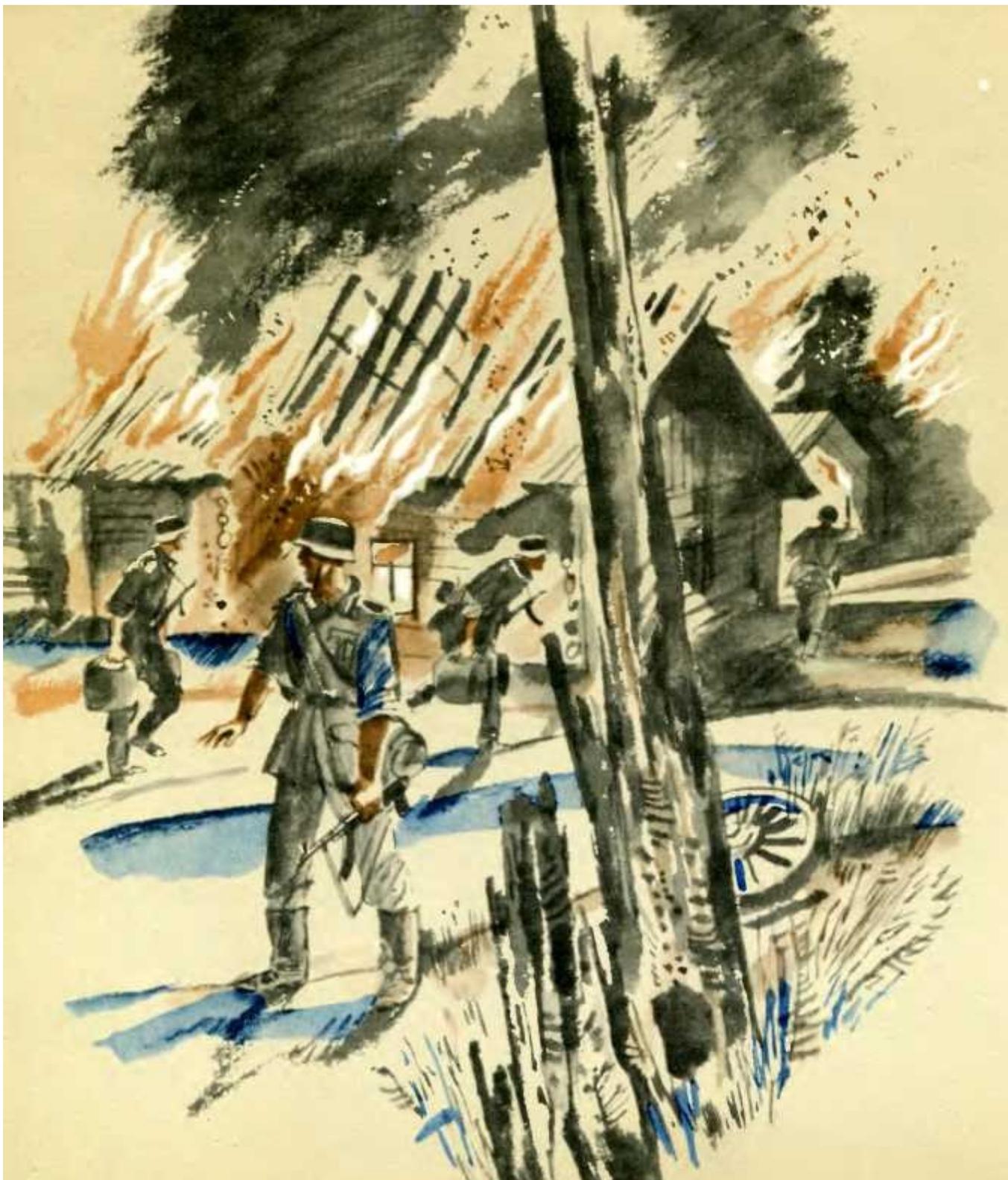

«Деревня погибла в огне, – рассуждал Василий Плотников. – Если бы её бомбили или обстреливали, непременно какие-то печи развалились бы, трубы обрушились бы...» И появилась у него надежда, что жители Яблонцев спаслись, ушли до пожара куда-нибудь в леса.

Он ходил по пепелищу, отыскивая железные остатки дома – дверные ручки, крючки, большие гвозди. Находил всё это, покрытое бурой окалиной, брал в руки, разглядывал – как бы спрашивал о судьбе хозяев. Ответа не было.

Плотников представил себе, как нагрянула в Яблонцы зондеркоманда фашистов, особая команда. Они выскочили из грузовиков с канистрами бензина. Обливали бензином стены. А потом шёл фашист-факельщик. И поджигал дома – один за другим. С начала и до конца поджёг всю деревню. И в это же время, а может, чуть раньше или чуть позже, немецкий танк проехал по садам, ломая яблони, вминая их в землю... Тысячи деревень уничтожили фашисты подобным образом при отступлении.

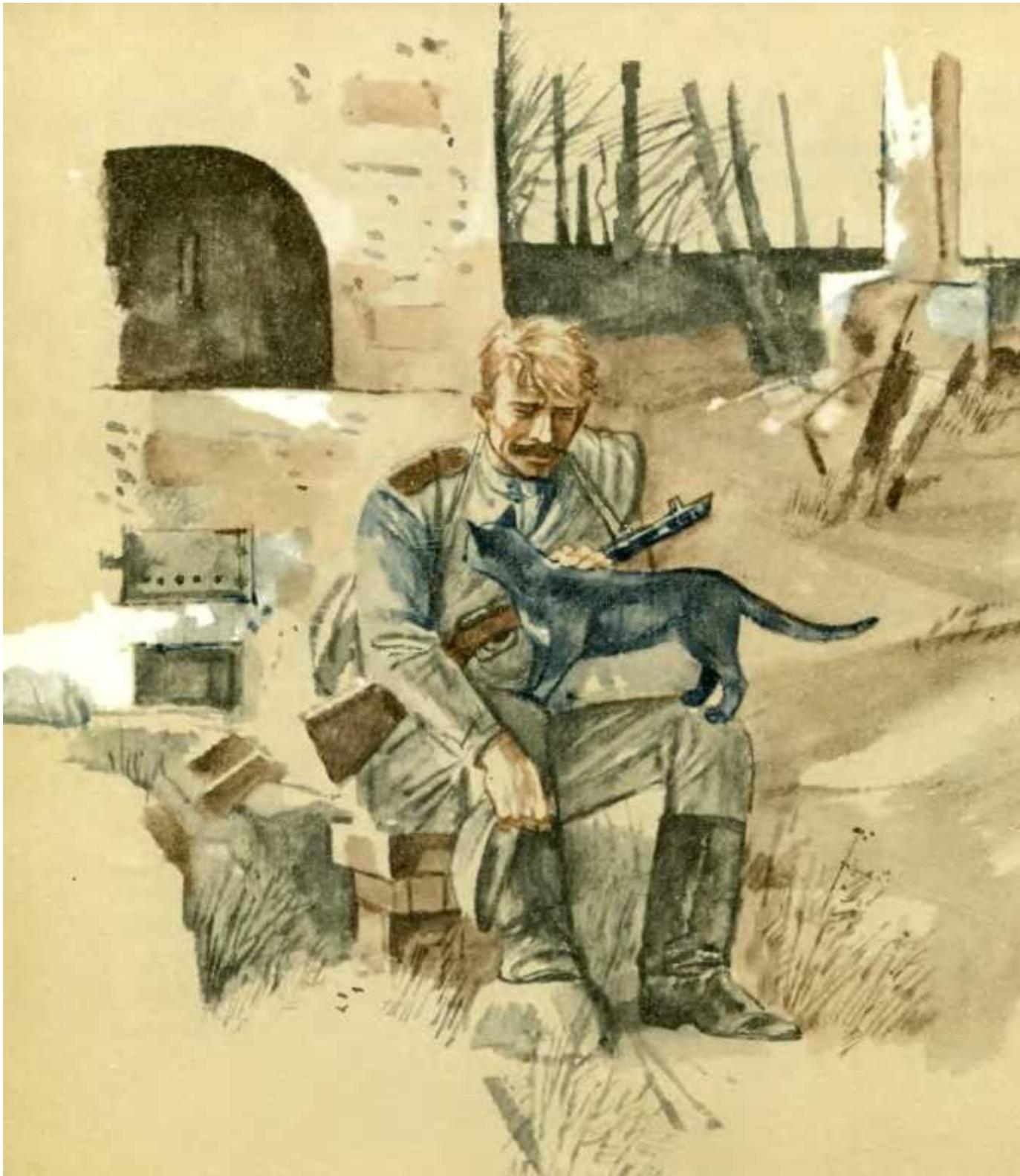

Солдат собрал грудкой кирпичи, сдул с них золу, сел. И так, сидя, не сняв вещевого мешок и автомат, думал горькую думу. Он не сразу почувствовал, что кто-то прикасается к голенищу сапога. Вернее, лёгкие толчки он чувствовал, но не обращал внимания, ведь вокруг ни живой души. А когда посмотрел на сапоги, увидел кошку – серую с белой грудкой, свою кошку Дунюшку.

– Дунюшка! Ты откуда тут, Дунюшка?

Он взял её под живот растопыренной пятернёй, посадил на колени и стал гладить.

Дунюшка прижалась поплотнее к хозяину, закрыла глаза, замурлыкала. Мурлыкала тихо, спокойно. Неторопливо повторяла на вдохе и выдохе однообразные звуки, словно горошинки перекатывала.

И показалось Плотникову, что кошка знает, как трудно на войне людям, как тяжело у него на сердце. Знает она и о том, где жена солдата, дочка и мать. Они живы, укрылись в лесу от фашистов, а главная их печаль – не о сгоревшем доме, а о нём. Жив ли он, солдат Василий Плотников? Если жив, то и они проживут. Вот увидят, что нет фашистов, что Советская Армия прогнала их, и придут из леса в деревню. Выкопают на зиму землянку. Будут терпеливо ждать конца войны, возвращения солдат. Солдаты вернуться, построят всё новое. И сад посадят...

– Где же ты была, Дунюшка, когда Яблонцы горели? И как же сильно любишь ты свой дом, если не уходишь от него, сгоревшего?

Кошка слушала человеческий голос и всё вела свою песенку – не громче, не тише, не быстрее, не медленнее, словно уговаривала солдата не печалиться без меры.

...Время шло. Пора было возвращаться в часть. Солдат покрошил кошке в обломок глиняной миски хлебushка. Вещевой мешок с продуктами положил в печку и закрыл заслонкой.

Потом горелым гвоздём выцарапал на печке: «Я живой. Дома вас не застал. Пишите. Полевая почта 35769. В. Плотников».

Кошка доела хлеб. Подобрала еду до последней крошечки. Сидя у глиняного черепка, принялась умываться – лизала лапку розовым языком, лапкой тёрла мордочку. «Хорошая примета, – подумал солдат. – Это – к гостям. Кошка, гостей намывает. А кто гости? Конечно, жена, дочка и мама – хозяйки сгоревшего дома». От такой мысли стало солдату полегче. И пришли другие мысли: как сядет он с товарищами в грузовик, нагонят они фашистов и начнут новый бой. Будет он стрелять из автомата, бросать гранаты, а если кончатся боеприпасы, убьёт

фашиста просто кулаком...

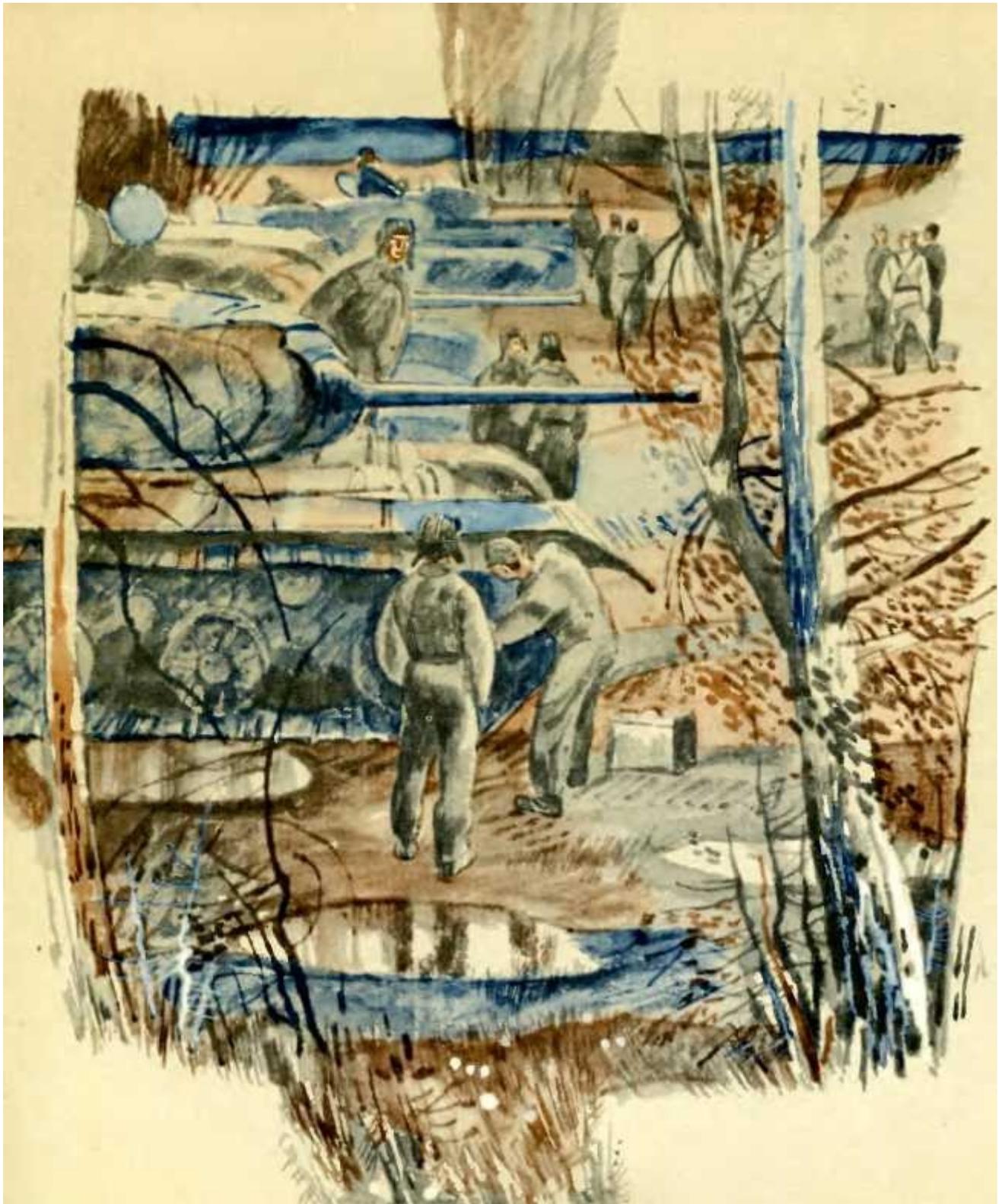
– Ну, прощай, Дунюшка! Мне пора. Как бы без меня не уехали.

Кошка посмотрела в глаза хозяину. Встала. И, когда он зашагал по пепелищу, побежала рядом. Бежала довольно долго. Остановилась за обгоревшими ветлами, на зелёном бугорке. Оттуда провожала солдата взглядом. Солдат оборачивался и каждый раз видел на зелёном бугорке серый комочек с белым пятнышком.

...Войска, в которых был батальон Василия Плотникова, наступали очень хорошо, гнали и гнали фашистов. Письмо из дома он получил, когда от Яблонцев ушли на целые полтысячи километров.

Кто брал Берлин

Букин и Бубукин – башенные стрелки познакомились, когда получали обмундирование. В списках танковой роты их фамилии стояли рядом, поэтому оба были вызваны на вещевой склад одновременно. Расписываясь за шлем и комбинезон, за куртку и башмаки, Бубукин увидел подпись Букина. Она была длинная, чуть ли не во всю строку. После слога «Бу» шёл ряд многочисленных то ли крючочков, то ли полуколючек, заканчивалась подпись, как полагалось, буквой «н», но не простой буквой, а с хвостом, закрученным, как пружина.

– Ну и подпись! – изумился Бубукин. – Посмотришь– голова кружится... Я вот ставлю «Бу» – и дело с концом!

– Твоя фамилия длинная, – отозвался Букин, влезая в новый комбинезон, – и сам ты вон какой здоровила. А я маленький, фамилия у меня короткая. Пусть хоть подпись будет большая.

После такого разговора и началась у Букина с Бубукиным фронтовая дружба.

Нет на свете дружбы крепче, чем фронтовая. Быть товарищами на войне – это ведь не в кино ходить вместе, не лакомиться вместе пирогом в день рождения. В бою нет ни кино, ни пирога. Там есть враг, который стремится убить тебя самого и твоего друга. Верность в дружбе, крепость её враг испытывает огнём. Да не один раз, а на протяжении всей войны.

Дружбу Букина и Бубукина фашисты проверяли и в столице фашистской Германии – Берлине. Чтобы скорее кончилась война, надо было скорее взять этот город.

В штурме Берлина участвовали пехотинцы и артиллеристы, сапёры и лётчики, связисты и миномётчики, и, конечно, танкисты.

Танку трудно воевать на городских улицах. В поле, в степи можно мчаться на хорошей скорости, обходить укрепления врага стороной, атаковать их с тыла. А в городе, среди каменных

построек, танк словно среди крепостей.

Опасно каждое окно, опасны чердаки и подвалы – отовсюду фашисты могут выстрелить фаустпатроном. Фаустпатрон, в переводе с немецкого, – кулак-патрон. Этот сильный снаряд летел недалеко, метров на сто, но взрывался так мощно, что мог уничтожить танк со всем экипажем. За углами домов, за каменными завалами прячутся пушки – тоже целят в танк. Под асфальтом мины: надавит танк гусеницей на невидимую мину – гремит взрыв.

Так вот и случилось: в уличном бою, помогая пехоте пробиваться к центру города, танк Букина наехал на мину, взрывом изуродовало гусеницу, танк остановился; а в танк Бубукина попал снаряд, заклинило орудие танка, невозможно было наводить орудие в цель.

Радио в обоих танках работали хорошо. И командиры экипажей договорились: танк с

заклиненной пушкой возьмёт танк с разбитой гусеницей на буксир. Из двух неисправных машин получится одна исправная – можно продолжить бой. Обидно сидеть сложа руки, когда идёт последнее сражение войны.

Танк Бубукина направился к танку Букина. И в это время мелькнула в развалинах разбомблённого дома фигура фашиста с фаустпатроном. Враг крался к неподвижному танку. Бубукин не мешкая выскочил через башенный люк танка, побежал с автоматом к развалинам – надо помешать фашисту стрелять фаустпатроном.

Фашист был упрямый. Он отложил в сторону фаустпатрон, начал бить короткими очередями из своего автомата в Бубукина. Наш танкист тоже стрелял, прячась за грудами кирпича, приближался к фашисту.

Бубукин был совсем уж близко от врага, когда тот перестал стрелять. «Почему фашист не стреляет? – подумал Бубукин. От догадки мороз пробежал по коже. – Верно, фашист отложил автомат и целит фаустпатроном в танк Букина. Сейчас выстрелит...» Бубукин бросился к укрытию фашиста. Навёл автомат, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало – патроны кончились. Тогда Бубукин с высокой груды обломков прыгнул на врага, ногами выбил из рук фаустпатрон. Фашист мгновенно вскочил, готовый вцепиться в нашего бойца. Но увидев человека в замасленном комбинезоне, с лицом, тёмным от копоти, его гневные глаза и огромные кулаки, побежал.

Бубукин схватил автомат врага – он тоже оказался без патронов. Тогда танкист запустил вдогонку фашисту половинку кирпича.

– Ну, гад! – крикнул Бубукин. – Второй раз не попадайся! Отверну голову!

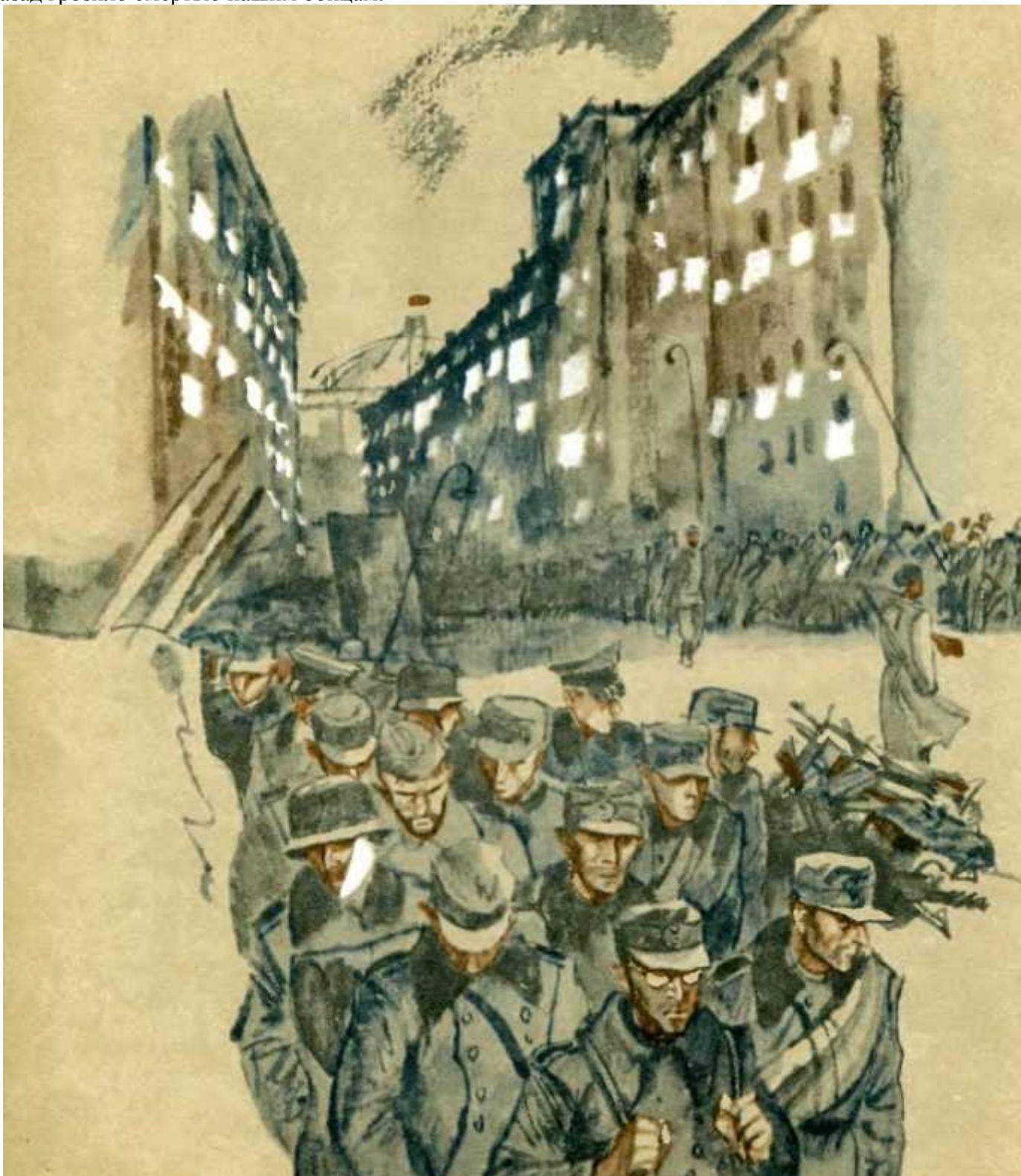
Забрав оружие врага, Бубукин вернулся к товарищам. У них всё уже было готово – буксирный трос закреплён, можно в бой.

Они славно поработали. Букин из своей пушки выстрелил все снаряды по фашистам. Потом перенесли к нему снаряды из танка Бубукина.

Воюя, танкисты вызвали ремонтников. Те прибыли со всем необходимым. Принялись чинить танки. Но воевать уже было не нужно. Во второй половине того дня, а было 2 мая 1945 года, немцы по всему Берлину вывесили белые флаги. Делали их наскоро – из простыней, полотенцев и даже из носовых платков. Белые флаги означали, что Берлин сдаётся.

По улицам, засыпанным битым стеклом и камнем, мимо изрытых взрывами скверов, разрушенных домов, мимо сгоревших танков и раздавленных пушек двинулись вереницы

вражеских солдат и офицеров – сдаваться в плен. На площадях они складывали оружие, и очень скоро там образовались горы автоматов, пулемётов, гранат, пистолетов, винтовок – всего, что час назад грозило смертью нашим бойцам.

Фашисты шли, опустив глаза, смотрели в землю. Им было страшно – ведь придётся держать ответ за горе, причинённое людям, и было стыдно – хотели взять Москву, но Москву не взяли, а Берлин сдали. На самом главном здании Берлина, на рейхстаге, развевалось Красное знамя. Его, в знак нашей победы, подняли в разгар жестокого сражения храбрые советские солдаты.

...Через неделю после взятия Берлина капитулировала вся фашистская Германия. На землю пришёл мир. Все страны и народы ликовали. Все славили Советскую Армию, посылали привет нашим солдатам и командирам.

И природа радовалась. Весеннее солнце светило светло, грело тепло. Навстречу свету и теплу из почек на деревьях вылезали прозрачные листочки, трава зелёными ленточками

колыхалась под майским ветром. В небесах летели стаи перелётных птиц.

– Смотри, – сказал Букин Бубукину, – сколько птиц летит! Хорошо, что война кончилась. Самолёты в самую пору освободили небо птицам. И мы не пугаем их выстрелами.

С утра 9 мая Букин и Бубукин прихорашивались – побрились, умылись, причесались, почистили комбинезоны, навели глянец на обуви – и запаслись баночкой краски и кисточкой. Они готовились пойти к рейхстагу.

Прошёл слух, что все, кто брал Берлин, идут к этому огромному зданию, где прежде заседало правительство фашистов, и пишут на стенах, на колоннах свои фамилии – оставляют автографы на добрую память друзьям и в назидание врагам. Говорили, что сам прославленный маршал Георгий Константинович Жуков расписался на рейхстаге.

Действительно, площадь перед рейхстагом была полна наших солдат и командиров. В разных её местах играли гармошки и аккордеоны; где плясали, где пели. А стены рейхстага и колонны были испещрены различными фамилиями. Надписи всё прибавлялись и прибавлялись. На уровне человеческого роста всё уже было заполнено ими.

– Опоздали, – сказал Бубукин. – Места не осталось!

– Что ты? – засмеялся Букин. – Нам-то как раз самое лучшее оставили. Встань-ка покрепче. Я с твоих плеч расписываться буду.

– Друг-танкист! – попросил Бубукина низкорослый сержант в погонах связиста. – Подсади и меня!

– Залезай, – согласился Бубукин, когда Букин спрыгнул на каменные ступени.

– Братья-славяне! – закричал весёлый артиллерист. – Кто ростом не вышел – скорее сюда.

Пока плечи танкисту не оттоптали.

Подсобив желающим, Бубукин сгрёб всех их в кучу, придвинул к колонне, приказал: «Ни

шагу назад!» – и сам вскарабкался на их плечи.

Букин подал ему кисточку и краску.

– Погоди, – сказал сверху Бубукин Букину, – роспись-то не твоя. Ты же не так расписываешься. Где же твои крючки и загогулины?

– Правильно! – согласился Букин снизу. – Но если бы я расписался с загогулинами, то кто бы прочёл, что и я брал Берлин.

– Хитёр ты у меня! – проговорил Бубукин и вместо обычного «Бу», как он расписывался в различных бумагах, вывел печатными буквами полную фамилию. Рядом, помельче, приписал: Рязань.

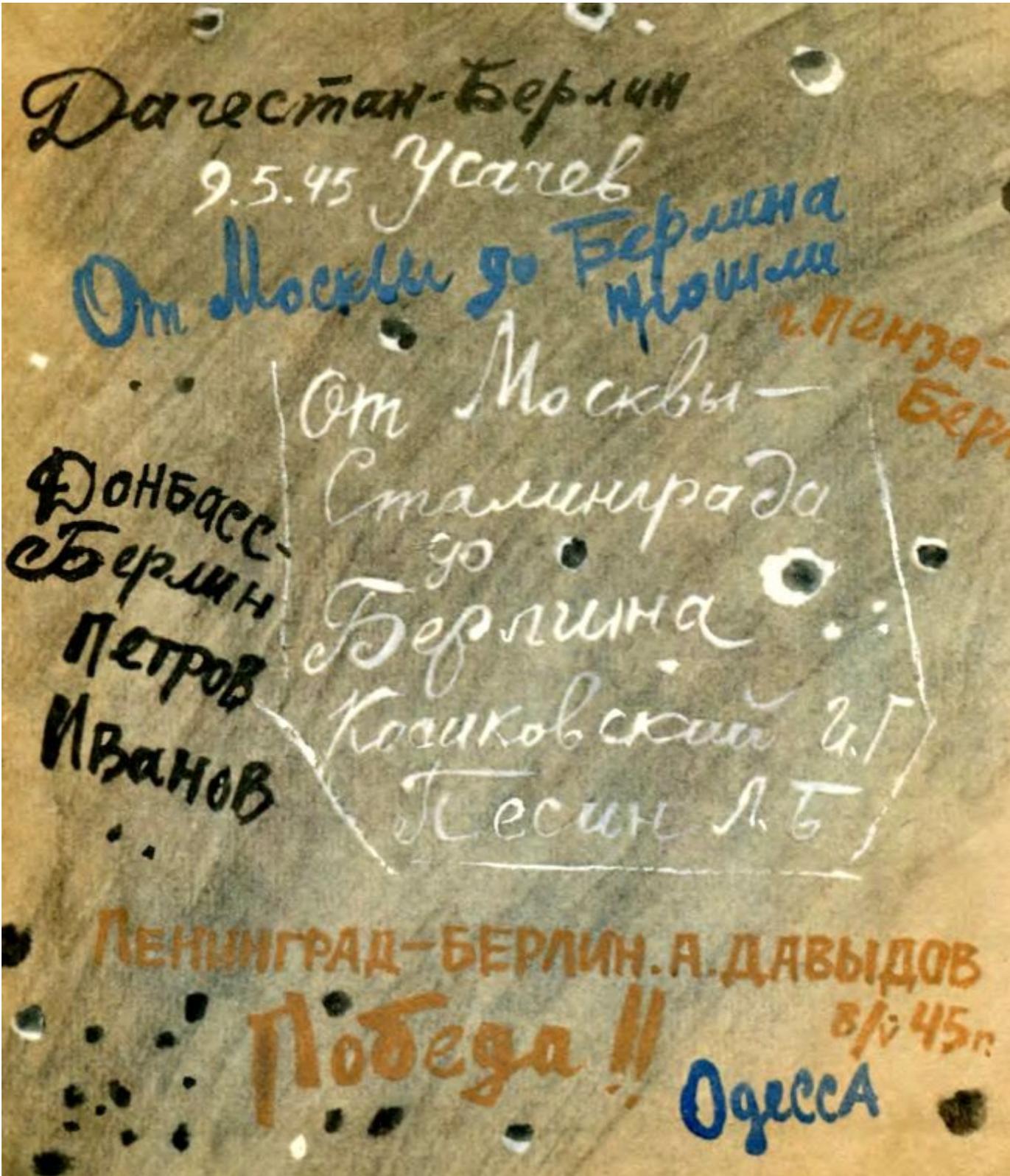
Друзья-танкисты отошли от колонны, чтобы не мешать расписываться другим. Издали

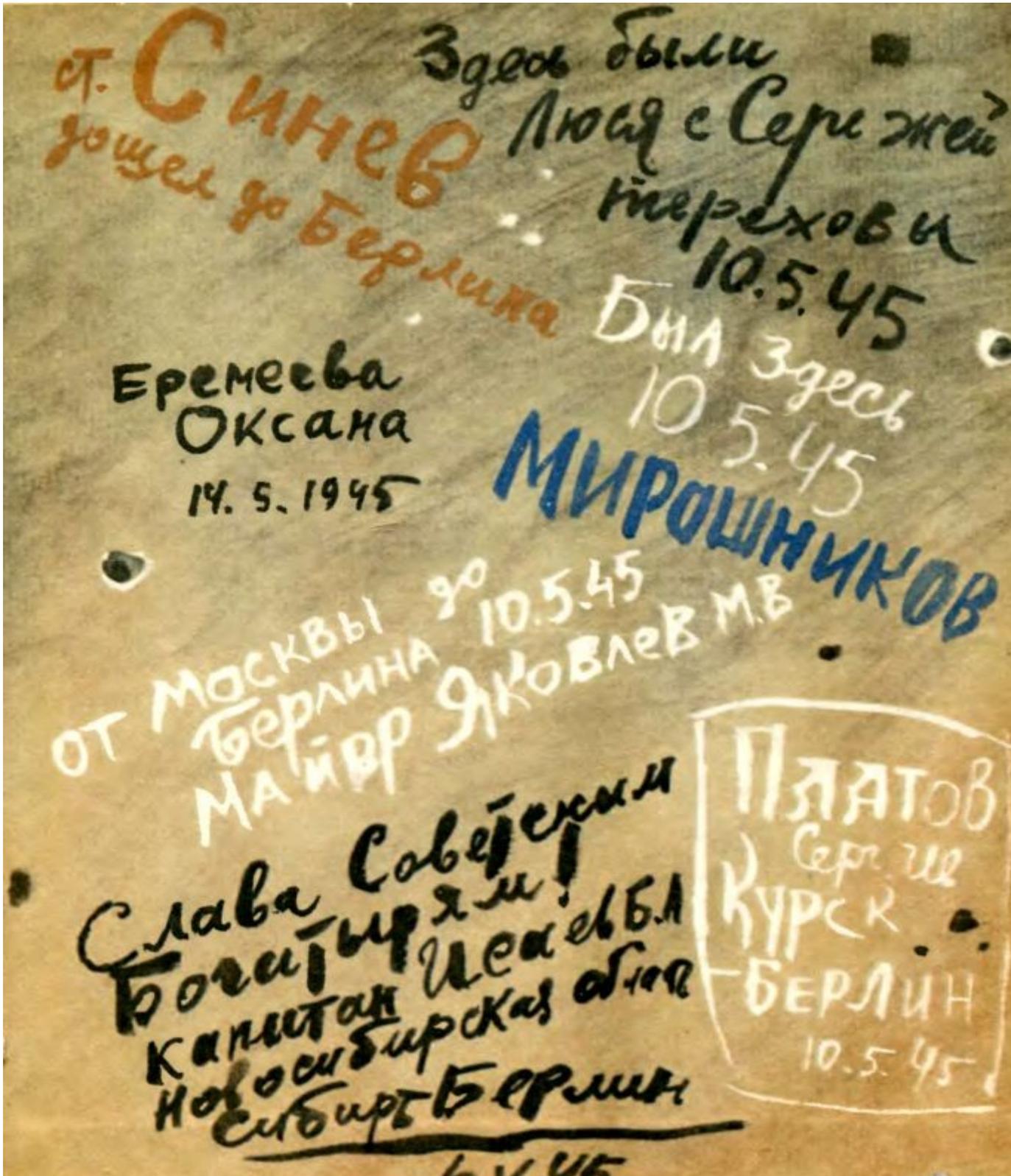
читали надписи. Перед ними была невиданная книга. Она рассказывала о великом подвиге советских людей. Называла героев жестоких сражений поимённо. Называла сёла и города, откуда герои родом.

«Жуков – Москва. Васильев – Ленинград. Петров – Тула. Гончаренко – Полтава. Богданович – Минск. Гоцеридзе – Тбилиси. Берзиньш – Рига. Хабибулин – Казань. Гусейнов – Баку. Керимбаев – Алма-Ата...»

Вся Советская страна, все советские люди брали город Берлин.

1 р. 50 к.

